

ПОДЗЕМЕЛЪЕ,
или
МАТИЛЬДА,

СОЧИНѢННОЕ

на

Аглинскомъ языкѣ

МИССЪ СОФІЕЮ ЛЕЕЮ,

съ Аглинскаго по двѣнадцатому
изданію переложено на Фран-
цузской,
а съ Французскаго на Рос-
сійской.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Москва,
въ Типографіи А. Рѣшетникова,
1794.

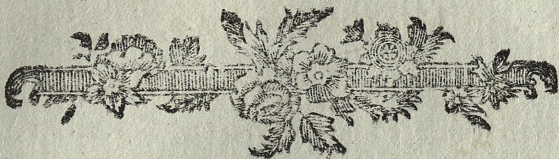

П Е Ч А Т А Н О
сѣ Указнаго дозволенія.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ,
или
МАТИЛЬДА.
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Когда я пришла въ чувство, узнала, что Милордъ Арлингтонъ перевезъ меня въ домъ свой, и положилъ на постелю. Тогда увѣрена была, что бытъ чему нибудь чрезвычайному, судя по его ревности. Всякую минушу казалось, онъ входилъ въ мою комнату и держилъ кинжалъ въ своей рукѣ. Но свѣдала вскорѣ, что его намѣренія обращены въ другую сторону. Рана моя спала не опасна. Спрашивала я, гдѣ Лади Пемброкъ? Сказали мнѣ, что она у дверей моихъ, которыя заперты по приказу моего мужа.

Томъ III.

А

Я

Я воображала, что Арлингтонъ чшилъ самъ ея непорочныя поведенія, но освѣдомясь объ обстоятельстве дѣйствительно свиданія моего съ Эсексомъ, не знала изъ двухъ лицъ отличено въ Королевствѣ почитаемыхъ, кто содѣшель или участникъ его безчестія.

Отъ унынія излеченіе раны моей долго продолжалось, и разсудокъ колебался. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль едва я могла пройти по горницѣ. Въ продолженіи сего времени собравъ мою силу и взявъ въ посредство совѣсь между мною и Арлингтономъ, испытывала его права и свои, и нашла, что я виновата, и извинить себя немогу, но вина моя по невѣденію. Такимъ образомъ судя безпристрастно, велѣла сказать, что готова предъ нимъ оправдаться въ своей невинности; но какъ онъ былъ невольникъ спрашиваю, и не имѣлъ душевной крѣпости, дабы основать разсудокъ на истиннѣ, то и упорствовалъ въ прежнемъ своемъ намѣреніи. Съ того

го времени началъ почивать меня за женщину лукавую, и ищущую всегда средствъ ко оправданію себя. Всячески старался, дабы меня удалишь отъ Графа Эсекса; но не отважился его никакъ уязвить, а только блевалъ на него разныя ругательства и угрозы; и таковымъ поношеніемъ далъ знать всему Двору о моемъ несчастливомъ приключеніи, и тѣмъ слухомъ сдѣлалъ мнѣ такое пятно, что въ вѣкъ его загладить не могу.

Въ семъ обстоятельствѣ надумывалась я, не сыщуль такого благодѣтеля, кошорой бы предсталъ въ мою помощь. Но увы! помощи никакой не имѣла кромѣ терпѣнія.

По нѣсколькихъ недѣляхъ Елисавета Вернонъ, наша старинная пріятельница, двоюродная сестра Эсекса, будучи замужемъ Лордомъ Сунпгаптономъ, покусилась меня видѣть, и прѣбывала позволенъ у Арлингтона. Но послѣку она была въ великой милости у Королевы, боялся отказомъ сдѣлать ее себѣ непріятельницею, и

прошивъ воли своей принужденъ былъ на то согласиться. Она обливъ меня слезами, говорила мнѣ, что опасается, дабы паче не возбудишь злосни мужа моего прошивъ меня. Между прочимъ сказала мнѣ, что Эсексъ уѣхалъ вскоре послѣ васъ изъ Галереи, чтожъ не старался тебя видѣть, шому ша причина, что онъ самъ онъ той поры паче мершвъ, нежели живъ былъ, слышавъ, что ты тяжкою одержишься болѣзнію. Всего болѣзненнѣе ему, что онъ самъ былъ всего свидѣтель. Всѣ способы употреблялъ онъ освѣдомишься, какимъ образомъ Лордъ Арлингшонъ узналъ, что онъ въ Англію прѣхалъ. Наконецъ довѣдался, что одинъ изъ служителей его далъ знать Арлингшону о всѣхъ Эсексовыхъ намѣреніяхъ, также и о прѣздѣ его въ Англію. Потому-то Арлингшонъ домой ранѣе и прѣхалъ, но не нашедъ меня дома, поѣхалъ къ Леди Пемброкъ.

Видѣла я изъ ея словъ, что я подлежу поношенію, и ничто меня оправдашь

дать не можешъ. Я находилась въ рубахъ Эсексовыхъ, кои меня и защищали; однако всѣ доказательства предлагаемыя Эсексомъ въ мое и его оправданіе приняты были за выдуманную басню, такъ публика судила, не извиняя мои смершныя раны и не зная существа дѣла.

Объщественна, презрѣнна, опѣ всѣхъ забыта, кромѣ добродушныхъ сестеръ фамиліи Сиднѣвой. Я опрелась воли Арлингтоновой, и воспріяла путь въ сіе игуменство, опредѣленное мнѣ изъ дѣпска, да будетъ оно мнѣ вмѣсто гроба; но разорено и по жилище, на которое я уповала. На мѣсто густаго лѣсу насажены молодыя деревья. Переѣзна сія дѣдала мнѣ великое опвращеніе, того ради заключила себя въ самую ошдаленную и мрачную комнату, намѣреваясь препроводить всю мою жизнь во слезахъ.

Лордъ Арлингтонъ весьма тому былъ радъ, что мнѣ свѣтъ огоспылѣлъ; да и пріятно ему было, что его заключенница избрала такую жизнь.

Надежда моя совсѣмъ исчезла; а съ ней и всякато вкусу я лишилась. Дѣшпи, коихъ я обучала, не смѣли про- нупть моей люшпи въ присудствіи моемъ. Та, на кошорой я играла въ своей молодоспи, брошена и испорче- на. Склонность и знаніе шѣхъ другихъ колонновъ, кои мы превозносили по- хвалами, нынѣ уже уничпожились. Словомъ, предмѣшъ моего обозрѣнія ни- что иное было какъ загаженная пу- спыня. Ненавистенъ и слѣпошенъ онъ, что дерзнулъ такое сокровище пре- вращить въ прахъ и прешворить кругъ сей въ пуспыню.

Сіе печальное соспозніе можно помѣспить въ число моралей. Но я принуждена сносишь шерпѣливо въ мо- емъ положеніи; да пришомъ находи- лась еще въ несносной слабоспи. Я была обѣяша шюю же спранною болѣ- знію, о кошорой выше сказано. Она произвела великій ломъ въ головѣ и жужжаніе во ушахъ; съ великою болью могла опкрывашь и закрывашь глаза. Когда пройду по горницѣ, шогда ни- чего

чего не вижу, и не понимаю; а женщины тѣ, кои были при мнѣ, сказывали, что я была блѣдна, и вся преслась. Случалось со мной, что я въ тѣ часы кликала Машильду, а иногда Эсекса, и падала съ воплемъ на колѣни. Тогда тѣ женщины сберетали, а паче скрывали сіе отъ Лорда Арлингтона. Другаго средства не сыскали они, чтобъ меня привести въ память, какъ вошкнувъ иглу въ мою руку и пустишь мнѣ кровь. Тогда мнѣ казалось, будто я опѣ сна пробудилась: но не помню ничего, что я дѣлала, или что говорила. Однакожъ не чувствовала я опѣ того никакой слабости.

Въ одну ночь ко мнѣ пришли, будящъ и говорящъ, что это былъ слуга наперсникъ Арлингтоновъ, которой будучи близъ смерти, непременно хочеть меня видѣть и говоришь со мною. Но я на сіе не вдругъ пустилась, но еще и другой присланъ и проситъ не опшупно. Я зная, что Арлингтонъ будучи пьянъ теиерь спитъ, взяла за собой

бой дѣвку, копорая мнѣ вѣрна была, вошла я въ его покой, и велѣла всѣмъ вышши окрестъ его бывшихъ, кромѣшой дѣвки, копорая со мной была, готова была его слушашь. Миладія, говорилъ онъ мнѣ весьма ослабѣвшимъ голосомъ, проси мнѣ, что я далъ совѣщъ Лорду о раззореніи зданія, къ коему увидѣлъ я наконецъ, что швое сердце прилѣжало . . . . Сіе предложеніе остаешся въ мое наказаніе. Изволь вслушашься въ шайну, кою я въ душѣ моей ощущаю. Разтребаемы были всякіе опломки келей пустынножительствоющихъ по приказу Лордову, примѣшилъ я одного работника, нѣчто шягосшно поднявшаго на свой заступъ; (что онъ и закрылъ землю) шогда я всѣхъ работныхъ разослалъ по другимъ мѣстамъ, а шого взявъ за руку говорилъ, что я хочу шо видѣшь, что онъ шакое зарылъ въ землю. Нашолъ я, говорилъ онъ, не большой ларчикъ, окованной швердо желѣзомъ и замкнушъ крѣпкимъ замкомъ. Говорилъ я ему, чтошбъ у меня до вечера его оставилъ.

По-

Потомъ вообще опшпремъ и раздѣлимъ между собою. Онъ мнѣ охотно въ шомъ повѣрилъ. Я изъ множества ключей, имѣвшихъ въ своей повѣренности, нашолъ одинъ, который къ замку пригодился; опперши увидѣлъ множество золоша и алмазовъ, что все выбралъ; а намѣсто того, дабы не означился умыселъ мой, потому что ларецъ имѣлъ не малую шягосшь, наклалъ въ него свинцу и ржавыхъ ключей, и заперъ шѣмъ же замкомъ. Бѣдный рабшникъ пришедъ смопрѣлъ на меня прилѣжно, не смѣя вопросить меня, съ молчаніемъ ждалъ рѣшительнаго часа. Я говорилъ ему, чтообъ онъ опперъ ларчикъ; но онъ съ великимъ шрудомъ разломалъ его, и весьма оторчился нашедъ шолько шо, что я въ его поклатъ; да и пришворился болѣзнующимъ. Спышъ изрядный; онъ ни мало не подумалъ, что я его обманулъ. Онъ пошелъ опъ меня вонъ; а я по прежнему поклатъ находку въ шомъ же ларчикъ, и старался при первомъ случаѣ уѣхашъ опъ Милорда
въ

въ Лондонѣ и шамо жить; однако опасаясь, чшобъ въ помѣ не имѣшь подозрѣнїя, оспался. Увы! не за шо ли меня Богъ наказываетъ, что объяла меня жестокая болѣзнь и держитъ неопшшупно? Нѣтъ аппетита, нѣтъ покою, ни шишины въ ноши. Слышу чрезвычайный свистъ и многихъ шепчущихъ между собою; вижу лазящихъ по стѣнамъ моей горницы. Днемъ мню, что все на меня смотритъ и проникаетъ шайну моего сердца. Словомъ, Миладїя, Небо меня наказуетъ! и довело до такого соснїя, въ какомъ ты меня видишь. Долго я боролся съ сею мыслию, какъ, и кому могу ввѣрить такое богатство. Безчеловѣчный я несчастливецъ! кого обманулъ? Вскорѣ и самъ погибъ. Въ сіе ушро разсудилъ я, что ты была воспитана среди сего раззореннаго жилища, возвратишь сію находку яко хозяйкѣ шого мѣста. Избавь меня отъ сего, Государыня, подъ единымъ условїемъ, дабы Господишь сего не свѣдалъ., Такъ когда онъ сдѣлалъ сіе послѣд-

слѣдиѣ завѣщаніе, тогда не доумѣвала, какъ хранить сію тайну. Онѣ примѣшилѣ, что я колеблюсь. „ Не опасайся, сказалѣ, шутѣ нѣшѣ никакого худаго намѣренія; придетѣ время, что для тебя сіе очень будетѣ нужно; поэтому я тебя и упрощиваю, чтобѣ ты такое завѣщаніе хранила въ тайнѣ. И такѣ я просила, чтобѣ прежде онѣ мнѣ показалѣ ларчикѣ, нежели золоша; на что онѣ и согласилася, и сказалѣ моей дѣвкѣ, гдѣ шотѣ ларчикѣ стоилѣ; служанка его принесла. Мы вынули золоша, камней и бумаги столько, что едва могли опнести въ мои покои. Сложав нашу ношу, свѣдали, что Мирибонѣ умерѣ спокойно. (Такѣ звали сего управителя).

Какѣ объяснишь шолікое судьбы благоволеніе? Пришло мнѣ въ голову, что такое сокровище препоручено мнѣ для подкрѣпленія сестры моей. Всконечно она шеперь нищенствуешь? и такѣ симѣ по меньшей мѣрѣ облегчу ея печаль и несчастіе. Великое буду имѣть удовольствіе, учиня ей по-

со-

собіе, естли сверхъ моего чаянїя душа ея спраждетъ.

Бумаги не иное что значили какъ переписку Отца Антонїя съ Миссрисъ Меллою, когда они любовниками считались. Я читала съ великимъ восхищенїемъ сіи для меня драгїя письма. Они приводили мнѣ на память чувствительную жизнь. Вводила я глаза мои на небо, гдѣ обитающъ нынѣ ихъ юлико блаженныя души. Думала, что должно имъ бышествовать въ числѣ избранныхъ душъ; ибо они много претерпѣли, будучи на здѣшнемъ свѣшѣ. Въ другихъ бумагахъ завернуты золотыя ожерелья и разныя дорогія бездѣлки, коими ихъ юность укрямалась, и на которую взирали съ великимъ удовольствїемъ въ свою жизнь. Цѣловала я ихъ съ почтенїемъ, яко оспашки ихъ священи, и яко удѣлъ ихъ завѣщанїя, которой я прїемлю.

По нѣсколькихъ дняхъ сего приключенїя Арлингшонъ, ѣздивши на охоту, упалъ съ лошади, и повредилъ
внут-

внутреннія части, откуда принесенъ едва живъ. Человѣколюбіе понудило меня забыть его озлобленія. Я употребила все способы къ его спасенію; и онъ помалу излечался. Но мерзкая его привычка къ пьянству все способы въ ничто обрашила. По претерпѣннѣ онъ великаго мученія умеръ.

Родственники Арлингтоновы получа наслѣдство, получили и шиплы его. Одинъ морскій Офицеръ до болѣзни его жилъ въ Англїи и лечился. И какъ скоро освѣдомясь о смерти Арлингтоновой, прїѣхалъ тотчасъ съ двумя сестрами умершаго, коимъ все движимое имѣніе было завѣщено. Я прочла его духовную, нѣтъ ли мнѣ того, дабы бросить сіе жилище. Но въ какомъ я была состояніи, когда усмотрѣла, что онъ объявилъ меня безумною, то и опредѣлилъ самый мнѣ убогій Пансіонъ съ такимъ условіемъ, дабы я жила безъисходно въ Сент-Винсенѣ подъ властію его сестеръ. Подлый и ничтожный пиранъ! почто

заклучилъ меня на вѣкъ въ неизходную шемницу? Ахъ! любезная сеспра, какія бы ты не имѣла напасти, но печаль швоя не превзыдетъ мою.

Мучась я долговременно моимъ пуспынножисьельшвомъ, ушрудилась, и чувшвовала, что изчезла моя сила. Впала въ шакое изнеможеніе, коего припадокъ видимъ спалъ паче прежняго моимъ служащимъ.

Эсексъ весьма обрадовался, слыша, что я освободилась моего гоншшеля. Прислалъ ко мнѣ нарочнаго съ письмомъ, въ кошоромъ уговаривалъ меня, дабы я какъ можно скорѣе вышла изъ сего мѣспа, назначивая мнѣ пребываніе въ домѣ его двоюродной сеспры Ладіи Сунгапшоны, коя приметъ не почію какъ друга, но яко сесспру.

Родшвенники Арлингшоновы перехвашя то письмо разпечашали, а шѣмъ самимъ разсправили мои раны. Они взирали на оное, яко на свидѣтельштво новое незаконнаго моего поступка,

ка, и съ шѣмъ посланнаго опсправили къ Эсексу обратпо извѣспшь, въ какомъ я соспоянїи нахожусь и желанїе моего разсудка.

По сему извѣспїю Лордъ Эсексъ рѣшилса самъ прїѣхашъ въ Сенп-Винсанпшъ, чшобъ видѣшь ему мое соспоянїе, и прїѣхалъ въ полночь, одаря щедро домослужпшелей, дабы его допустили до моей комнашы, копорая освѣщена только ночнымъ лампадомъ. Когда онъ вошелъ ко мнѣ со освященїемъ, шо я закрывъ глаза, махнула рукою, чшобъ онъ вышелъ вонъ. Эсексъ пораженъ былъ симъ знакомъ, выговорилъ нѣсколько словъ жалоспныхъ и опчаянныхъ; но когда я вслушалась въ его голосъ, шогда вскочивъ безпамяшно вскричала: „Эшо онъ, эшо его я слышу! и помню, чшо почувствовала нѣкакое охлажденїе въ моемъ сердцѣ. Вдругъ возсіялъ свѣшъ въ моей душѣ и глазахъ. Бросилась бы я съ кровати, еспьли бы вѣрная Алишья не принудила Эсекса вышши вонъ.

Алишѣя пошчасѣ мнѣ бросила кровь; я нѣсколько уснула и проснулась въ памѣтствѣ. Ахѣ! скажи мнѣ Алишея порядочно, во снѣ или наяву я слышала голосѣ, да и видѣла Эсекса? и лила слезы отѣ радости, мня, что въ помѣ не ошибаюсь; но она не дозволила мнѣ видѣшь иначе какѣ послѣ обѣда, принуждая меня принять хошя малую пищу для укрѣпленія; а по томѣ и позволила мнѣ его кѣ себѣ принять.

Не могла я на него взирать безѣ великаго смященія, какѣ онѣ предспалѣ моимѣ глазамѣ. Гошова была паспѣ; но крошость его пошупка меня успокоила. Онѣ зрѣлѣ внимательнымѣ окомѣ на болѣзнь мою и печаль, примѣшивѣ черты лица моего, началѣ говорить пономѣ жалостнымѣ и увѣришельнымѣ; а какѣ примѣшилѣ, что я вняшно рѣчи его слушаю, тогда началѣ онѣ говорить откровенно о своихѣ намѣреніяхѣ. „Любезная Элеонора, мнѣ говоривѣ онѣ, долговременно, я соображалѣ мысль свою сѣ нашимѣ
жре-

жребіемъ. Ничего я не предпринималъ, въ чемъ бы ты не имѣла участвія, какъ въ недоумѣніи шебъ хочу нѣчто сообщить. Выслушай, и утверди, когда хочешь. Узналъ я мерзоспныя хитроспн, употребляемыя къ разлукѣ нашей. Ошкрыто было, что мы по волѣ Королевиной соединены бышь не можемъ, и что мои заслуги къ ней клонились къ тому, чтобъ бышь о-благодѣтельствовану. Награждался я чинами и всякимъ имуществомъ, кои получалъ я, будучи ея любимцемъ; ибо я ей весьма нуженъ былъ, утверждая славу на швердомъ основаніи, каковой она домогалась. Клялся я ей посвящати мою жизнь со всякимъ благоговѣніемъ до послѣдняго издыханія, и вѣчно ей бышь вѣрнымъ, но шрудно примирити услугу съ хощѣніемъ и съ склонностію, кошорая сему сопроти-влялась. Теперь я чаю Элеонора, что ты можешь извинити пошущки мои.

Королева разскаивалась, что при-несла въ жертву швою юность, оп-

няла свою надежду и счастье, слѣпо приспирасилась ко мнѣ своей любовію. Но увы! что содѣйствуя такъ не разумѣла, что двухъ противныхъ вещей не можно согласить во едино. Не внемлетъ тому, что выдаетъ себя за-мужъ за такого человека, который нынѣ или за упрю превращенъ будешъ въ прахъ. Но я мыслилъ единственно о томъ, какимъ бы ни есть образомъ извлечь тебя изъ сего порабощенія, и между прочимъ взялъ намѣреніе донести о всемъ Шотландскому Королю, упрасивая его, дабы онъ по братству далъ тебѣ убѣжище въ своемъ Королевствѣ и защишилъ Нашелъ случай доказать твою несчастливую участь; но не лзя описать его малодушнаго поведенія. Забылъ онъ и убивство матери, коей напурою приверженъ; чтожъ ему оставалось думать о сестрѣ своей, о коей я просилъ, дабы онъ чувствовалъ жалость? Онъ не токмо мыслилъ о томъ, но и бракъ матери своей съ Герцогомъ, принялъ яко незаконный. Хотя

и увѣряли его о семъ бракѣ, древними свидѣтельницами при возшествіи его на тронъ. Присвоивъ себѣ всѣ права Королевы Шотландской, оупрекается всего, чѣмъ онъ долженъ праху несчастливой Королевы: по чегожъ оспалось ожидать со стороны Короля Шотландскаго и какая есть надежда на такого брата кошорый шебѣ пренебрегаетъ? Потерни ты изъ всѣхъ равныхъ первая наслѣдная Принцесса ко Англинскому престолу. Не достаешь токмо къ швоимъ правамъ достовѣрнаго свидѣшества, кои всѣ разшеряны; но я имѣю свѣденія, что они опысканы бышь могутъ. Правда, что они въ разныхъ рукахъ, но въ рукахъ сродственныхъ и друзей Каполическаго закона швоей машери. Я надѣюсь собрать ихъ во едино. Англичане ревнишельны къ правамъ національнымъ, да уже и помышляютъ избышь владѣльцевъ фамиліи Суфолковой; сія фамилія есть Королевская. И такъ ктобъ могъ шебя въ томъ осперить, паче же узнавъ о швоемъ рожденіи.

По-

сушѣ, обучилъ армію, приращая себѣ славу народную, и шѣмъ купилъ себѣ любовь у народа; но для того, съ шаковыми преимуществами рѣшивъ время въ свою судьбу той, которая дороже моей. Съ сею мыслию пожелалъ я, чшобы внесъ войну въ Ирляндію; я былъ начальникъ арміи, и былъ въ состояніи ввести союзъ. Не колебайся мыслями ѣхать со мной въ Ирляндію. Сіе одно есть мѣсто на землѣ, которое послуживъ тебѣ убѣжищемъ; будешь ты жить въ неприступной крѣпости съ Ладіей Сумпшгамшою, которая, какъ и ты, имѣетъ необходимость удалиться отъ двора; а я буду въ полѣ и не подойду къ вашему жилищу, развѣ съ вашего позволенія. Прошу въ томъ положишься на меня, что я никакъ не нарушу моего почтенія и вѣчнаго повиненія. . . . Ахъ! не требуйте того споль скоро! вспомни о времени, въ которое обѣихъ насъ несчастіе угнало. Вспомни также и о томъ, что ты и я будемъ ошвѣстствовашь.

Томъ III.

В

О

О Эсексѣ! великодушный Эсексѣ! ему отвѣчала я, схватя его руку и воззрѣвъ на его жалостно: какихъ я золь шебѣ навлекала! Корона въ швоей ли волѣ, веселюсь ли я ею, на тебя зря? Но увы! не могу я шебѣ сѣдывать, пусть я буду здѣсь колодницей.

Колодницей! говорилъ онѣ видомъ разбяренымъ; но опасаясь меня ужасить утишился. Я думаю, продолжаетъ сѣи, у коихъ ты подѣ спражею, исполняющѣ волю Елисаветину, дабы заключишь шебя на всю швою жизнь. Счастье мое, что я привелъ сѣ собою людей, хотя небольшое число, но храбрыхъ и мнѣ надежныхъ друзей.

Нѣшѣ, отвѣчала ему, не мысли о насилѣи; я на то никакъ не соглашусь, дабы шѣмъ порицаема была. Сей способъ неизбѣжно обратится на погибель нашу, но послушай меня.

Онѣ воззрѣлъ на меня сѣ великимъ удивленіемъ и безпокойствомъ.

Да,

Да, продолжаю я, Эсекс, я себя посвятила тебѣ. Однакожъ хочу повиноваться и склонности моего сердца, я тебѣ себя ввѣряю. Рождена я съ тѣмъ, дабы записать отъ тебя, и всеохотно желаю раздѣлить швой жребіи; но заклинаю тебя не взыскивать, чтобы я была похищена насилѣмъ... Въ самую шу минушу мы услышали, что двора нашего вороша отворились, и Алпшѣя вшедъ сказала, что карета отъ сродницъ Арлингтоновыхъ вѣхала, и я тотчасъ Эсека ухватя опвела въ свой покой, дабы они съ нимъ не повстрѣчались. Тѣмъ нашъ разговоръ и пресѣкъся; но надежда и радость, сообщась, даровали мнѣ такую силу, что лучшей докторъ поль скоро излечить не могъ бы.

На другій день Эсекс поѣхалъ. Я того хощѣла, да и понуждала, чтобы Елисавета не провѣдала о немъ? Но я могла ѣхать съ нимъ безъ вреда ему? Онъ поѣхалъ, увы! . . . и я поклялась ему, что тайно уйду изъ сего замка въ портъ Де чрезъ мѣсяцъ,

сяцѣ, и онѣ тому вѣрилѣ, и такѣ онѣ оставилѣ не весьма вѣ полномѣ удовольствіи.

Какѣ скоро Эсексѣ уѣхалѣ, я спараласѣ изыскивать всѣ средства, дабы мнѣ избавишься рукѣ моихѣ гонителей. Совѣтовала о томѣ сѣ вѣрною моею Алиштѣею, и случай кѣ тому послужилѣ неимовѣрный; хотя случай сей мнѣ и казался романическимѣ, но онѣ сходствовалѣ сѣ истинною, кошорую я и покусилаѣ испытать, будешѣ ли онѣ удаченѣ? Ушла я отѣ гоненія Елисаветы и ея новыхѣ приспавниковѣ; завѣщаніе о мнѣ открылось, оставленѣ видный подлогѣ по повелѣнію Елисаветы. И такѣ хотѣла меня задержать, а Алиштѣя сыскала способѣ кѣ побѣгу, на что я и рѣшилась.

Моя ревнишальная услужница упростила сродниковѣ своихѣ кѣ поспѣшествованію нашему. Тогда повсюдныя лихорадки раззоряли всю нашу страну, коею и одна изѣ моихѣ служащихѣ дѣвокѣ была одержима; и когда ей
сдѣ-

сдѣлался смертельный ударъ. Алишѣя положила ее на мою постелю, пришворясь, аки бы весьма соболѣзнуетъ. Волосы разпрепала, черны лица своего помрачила, яко нѣкое привидѣнїе, и когда она умерла, тогда прочїе прищавницы разбѣжались, боясь прилипчивой болѣзни. Алишѣя разгласила о умершей, аки бы то была Госпожа ея, а потомъ ушла къ роднѣ своей. Я же переодѣвшись мужчиною, убѣжала къ Алишѣѣ же, взявъ свое сокровище, а иное уже было давно отнесено.

Потомъ она съ великимъ воплемъ объявила въ семъ домѣ о моей смерти, что приняли родственники Арлингтоновы съ радостїю. Вошли свидѣльствовать ошашки и бумаги, и не нашедъ никакого подозрѣнїя, начали готовить потребное къ моему потребенїю, и разпустили всѣхъ служительницъ кромѣ Алишѣи, которая учредивъ все, пришла ко мнѣ бывшей тогда у ея родственниковъ.

Съ сего числа я щитаю другой моей жизни начало. Вшедши я въ крестьянскую избу, откуда я видѣла помпу, каковую учредили мои тонишли бѣдной дѣвкѣ, съ великими обрядами погребли ее подлѣ Арлингтона. Все сіе видѣла я изъ окна того жилища. „О! сія участь моя за спрдачїе существованїя моего, вскричала я съ воздыханїемъ, бышь сокрыпой въ семъ гробѣ можетъ бышь преобразу вновъ мое счастїе, и буду шествовать поспезямъ открытымъ предо мною, влашвуя моей спрасшїю и моимъ разсудкомъ, поборая судьбу угнѣшающую меня; а ты, хладное обиталище, коимъ покрыты мершвыя одежды, оппусти мнѣ, что погребашся мое имя съ побою; нѣшѣ живущаго на земли, которомубъ я пожелала понести шакое шягосное бремя.

Душа плавающая въ нерѣшимости никогда въ полномъ увеселенїи не бываетъ и не знаешъ куда прибѣгнушь. Нынѣ я хотя подъ видомъ простомы въ одеждѣ грубой и мужской, но въ
сердцѣ

сердцѣ моемъ сокровище и сладкую надежду ношу. Чувствую такое благополучіе, какого я въ молодости своей никогда не имѣла. Ахъ! Эсексъ!... Эсексъ и корона! . . . посылаю тебя извѣстить о мнимой смерти.

Вспоминаю я о сестрѣ моей . . . Увы! навѣрно ей нѣтъ нужды въ коронѣ; ты не обитаешь больше на землѣ свѣтлѣ. Нѣкого мнѣ уже именовать своей сестрою. Тѣ времена минули, да и поднесъ свѣденія нѣтъ. Прости душа обитающая на небѣ, избавившаяся сего мятежнаго вѣка. Болѣе я уже тебя искать не буду. Взоръ устремляю свой на небо, гдѣ злость не имѣетъ власти тебя мучить. А еслии чрезъ блистающія звѣзды ты можешь проникать поступокъ заблужденной Элеоноры по ея невѣденіи, гдѣ ея рокъ паки извергнушь можеть: просвѣти ея глаза и свободи тоя опасности.

О благополучіе! о блаженство вѣчное! въ чемъ ты состоишь? не могу о тебѣ и думать, что на тебя уповаютъ въ злѣхѣ. Между шѣмъ ко-

ликосей подлый металлъ увеселялъ родственниковъ Липѣиныхъ, когда ихъ я наградила, а доспальныя закопала въ землю; положила я его съ Восточной стороны подъ каштановымъ густымъ деревомъ, которое насадилъ Эдуардъ четвертый, и содержано было во всякой бережливости, но и осталось оно безопасно подъ стѣною древесъ. Но еслили какая чеспная душа, изнурившаяся бѣдностію, придетъ рыдать; ахъ! да вложишь ему Ангелъ во уши, другъ! ты подъ собою имѣешь, чего желаешь.

Учредивъ все для моего отъѣзду, я отказалась Аллибію взять съ собою въ томъ разумѣ, пусть будетъ счастлива моимъ награжденіемъ. Милосердое небо даровало ей родственниковъ, — кои въ старости своей хранящъ непорочность, да изберутъ ей любезнаго жениха, который не позналъ бы щеславія и велъ бы жизнь благодаря Бога, а онабъ наслаждалась его любовію, да припомъ бы доставила обстоятельную повѣсть безъ замедленія

нїя Лади Пемброкѣ, любезной подругѣ. Еще тебѣ кланяюсь ошѣ всего моего сердца, и прошу подкрѣпляшь мои предпрїятїя вашими молитвами. Но и я не премину просить небо о швоемѣ благодѣнствїи, дабы нѣкогда свидѣшься намѣ; а попомѣ и облились бы радосшными слезами.

ПРОДОЛЖЕНІЯ

ЛАДИИ ПЕМБРОКѢ.

Насилу я вышла изѣ удивленїя и смущенїя, какѣ прошелѣ слухѣ ложный о семѣ возлюбленномѣ шворенїи. Сказали мнѣ однажды, что крешьянка одна хочетѣ меня видѣшь, и подала мнѣ тайно сіе письмо. Я приняла его сѣ великою радосшїю, и увѣдомлена была, что она жива; но не могла не ужаснуться, видѣвши, сѣ какимѣ обстоятельствомѣ описываетѣ она мнѣ свои мечтательныя изображенїя о своемѣ любовникѣ. Для тебя, Машильда, храню сію повѣсть, ештли случай доведетѣ видѣшься мнѣ сѣ швою;

бою; тогда можетъ оно брошено быть въ огонь. . . . Элеонора проѣзжаетъ горы Галскія, одѣта мужчиною и пріѣзжаетъ въ пристань Де . . . Тамъ не заспаетъ Эсекса, ни Сумпшгампона. Прежде онъ оплакалъ смерть своей любовницы, о чемъ извѣщенъ былъ чрезъ своего комиссіонера, а послѣ получилъ письмо отъ Элеоноры, коимъ она увѣдомляетъ о бывшемъ вымыслѣ; а припомъ увѣдомленъ же, что Елисавета подущена, и не довольна весьма его медленностію, и что Сиръ Ралеипъ и фамилія Сесиліева пекутся о томъ, дабы лишитъ его милости, и поднимающъ надъ главою его великую бурю. Эсексъ разположился искать средства ко отвращенію ихъ покушенія. А потому и поѣхалъ въ Лондонъ съ Милордомъ Сумпшгампономъ, командирующимъ съ нимъ въ Ирландіи, и молодымъ Трасіемъ его Поручникомъ, препоруча одному Капитану препроводить двухъ, Ладей Лорда Сумпшгампона, находящихся въ Кумберландіи.

Двѣ

Двѣ Ладіи садятся въ корабль въ поршѣ Де, а на другой уже день корабль ихъ обуреваются.

Послѣ волнующихся водѣ сдѣлалась пишина, но и она не меньше насъ ужаснула. Въ полночь слышали мы необычайный крикъ; копорый доказывалъ, что корабль нашъ понешѣ. Одинъ Офицеръ, схватя обѣихъ насъ за руки, вывелъ на палубу, спустилъ двѣ лодочки въ море и посадилъ насъ на самую меньшую; но чудъ было мы не попонули; ибо челнокъ нашъ весьма огрузился. Мы болѣе прежняго испужались, не зная, живыль мы будемъ или ушонемъ. Море безпрестанно волновалось, да къ помужѣ нанесенный на морѣ песокъ задерживалъ насъ, и были мы во опчаянїи; но владѣльцы шого мѣста, сжалясь, учинили намъ помощь.

Мы благодарили судьбу, что спаслись отъ бури. Чужестранцы окружали насъ; ихъ одежда и языкъ доказывали, что они были Шотландцы. Они намъ нанесли морскихъ сухарей;

а мы просили, чтобъ они напоили насъ свѣжею водою, которая намъ нужнѣе была пищи.

По такому незапному случаю спаслась наша жизнь. Подѣхала къ намъ шлюбка; Капишанъ посадивъ насъ въ нее и препроводилъ въ замокъ; мы отъ страха бросились въ него съ такою поспѣшностію, аки бы страхъ за нами гонился. Увидѣли въ немъ двухъ молодыхъ людей, коихъ виды и одежда доказывали знаменитость. Это былъ братъ съ сестрою; они дали намъ знакъ, чтобъ мы къ нимъ подошли, да и сами они къ намъ поспѣшали. Мужчина былъ одѣтъ въ охотничьемъ плащѣ, а дѣвушка въ обыкновенномъ Шотландскомъ, перепоясана поясомъ ашласнымъ разнншымъ золотомъ. Волосы развѣваемые вѣтрами падали буклями на ея груди; ноги обуты въ сапожкахъ по древнему обыкновенію; черты лица ея прохладены воздухомъ. Приняли они насъ съ привѣтствующимъ видомъ, и аки страннопріимцы. Дѣвица взяла за руку мою по-

Ару-

другу; а братъ ея взялъ мою съ вольноспію дружескою, со удивленіемъ смотрѣлъ на мое платье, которое хопя мокро, но богато, и принялъ меня за мужчину. Препроводили они насъ въ одну старинную залу, коя окружена была древними и вѣшкими церковными знаменами. Все такое украшеніе приписать должно древнему военному происхожденію. Спарались, какъ можно скорѣе, подавая намъ прохладительныя заѣдки. Мы примѣтили, что сіи двѣ персоны были приспойнаго воспитанія; ибо не спѣшили вопрошать объ насъ, кто мы? и откуда? прежде нежели были удовлетворены. Сказывали намъ, что страна та, на которую мы брошены, есть островъ Шотландскій, и домъ, гдѣ мы обитаемъ, называется замокъ Дурнонъ, и надлежитъ Лерду, коего они братъ и сестра; а Лердъ на сіе время ослучился для одного важнаго дѣла. Есть у насъ сестра старшая Мабель, славящаяся во всей шой странѣ красою своею, попала по несчастію ко Двору;

по-

почему Король и не опущаеѣтъ еѣ къ семейству своему. Братъ опасаясь, дабы она не повиновалась спремленію дерзкаго Короля, поѣхалъ взять еѣ домой. Оба они, какъ молодые люди, рассказывали свою повѣсть безъ ухищренія и проспосердечно. Фебея когда хвалила красошу сесшры своей, покрывалась стыдомъ; болѣе же стыдилась, выговоривая о опасныхъ еѣ обспояшельствахъ, тогда духъ благодарный украшалъ лице брата еѣ Гюна. Мы же какъ пріобыкли къ свѣшскому обхожденію, увеселялись несказанно сими любезными дѣшьями, видѣвши ихъ невинными, что они слѣдовали чистосердечію природы.

Когда же дошла очередь говорить мнѣ, я назвалась по одеждѣ моей Георгіемъ Вернономъ, и будшо бы была въ молодости моей Пажемъ у Эсекса, а нынѣ его я Секрешаремъ; госпожа сія сродница Графа Сумпшагона, а моя жена; ѣдемъ шеперь къ Эсексу, гдѣ онъ обрѣшашеся. По несчастію были мучимы полшоры сущки бурею и на-

ко-

конецъ брошены на сію страну, гдѣ погиблибѣ безъ сомнѣнія безъ помощи вашего человеколюбія. Сказывала припомѣ, что мы ѣхали отъ двора Англинскаго ко главнокомандующему арміею; за шѣмъ вопрошали насъ яко дѣши о разныхъ свѣденіяхъ.

По причинѣ нашего объявленнаго супружества, опвели они намъ общую обѣимъ компанію. А какъ мы вошли одни, тогда начали помышлять о вѣрныхъ способахъ, какимъ путемъ ѣхашь до своего положеннаго мѣста. Подруга моя приѣхала, что на семъ островѣ нѣтъ людей кромѣ ихъ, кои бы могли способствовать намъ въ отѣздѣ и сыскать надежныхъ матросовъ, а по тому и расположились дожидаться какой либо оказіи. И такъ принуждены были мы ждашь Лерда Дорнока, уповаю, что въ нашихъ предпріятіяхъ онъ способствовать будетъ.

Себя и ея братъ, казалось, пріемлющъ немалое участіе въ нашемъ положеніи; не могли однакожъ больше ничего сдѣлать, какъ угощать насъ.

Та-

Тако спали мы яко заключенные окружающимъ Океаномъ. Между шѣмъ вспомнила съ воздыханіемъ, что сей островъ частію принадлежитъ Шотландіи, въ коемъ я бы имѣла законное право требовать себѣ достойныхъ почестей, естли бы по несчастію прежде моего рожденія не поразила меня судьба, все изпровергнувъ; потомъ я навѣдывалась о точномъ характерѣ Короля, и узнала чрезъ надежныхъ его подданныхъ, что могъ бы онъ именоваться добрымъ человекомъ, естли бы не былъ слабъ. А потому должно было заключить, что окруженъ хитрою полишикою пользующихся его слабостію. Наконецъ мы хопя единокровны, но раздѣлены свойствами. Естли же обращаю мой взоръ ко Англіи, вижу Эсекса у двора; Эсексъ, единое мое подкрѣпленіе, оплученъ опъ меня, обнесенъ злодѣями аки степью Аравинскою. Его имя, носящееся шестно, обитаетъ въ моемъ сердцѣ; оно невѣдомо въ семъ островѣ споль ближнемъ опъ Англіи. Ахъ! померкла моя бли-

блистающая надежда разсуждала я въ себѣ.

Такимъ образомъ провождали мы дни свои въ смутныхъ воображеніяхъ; и они показались бы можетъ быть намъ короче, естли бы не раждались по себѣ сами разсудки ошъ безмѣрной скуки.

Выходила я часто и саживалась на сѣнѣ замошной ограды, въ низѣ коея ударяли волны. Тамо я оплакивала свою любезную Машильду. Кто знаетъ, разсуждала я въ себѣ, можетъ быть она страждетъ въ заключеніи паче меня? Легче терпѣть въ злосп-
раданіи женщинѣ, не подпадшей слабости, нежели той, которая не имѣетъ силы сопротивляться кромѣ единого рыданія! Когда я въ ближнемъ сосѣдствѣ царства, въ отчизнѣ моихъ предковъ, не имѣю помощи, чтожъ дѣлаетъ Машильда, бѣдная моя сестра! . . .

Нѣкогда Фебея давала мнѣ свою люпиню, и она пѣвала по своему манеру нѣкоторые стихи на своемъ и

Томъ III. Г мнѣ

миѣ незнаемомѣ языкѣ, съ прскрасною мелодією, и я къ ней прицѣвала столь пріятно, что мои глаза наполнились слезами, вспоминая свою молодость, и Мистрисѣ Меллу. . . . Лейсесстера . . . и сестру мою.

Всякой день мы жалѣли, что нѣтъ никакого случая бытъ въ Англии. Пріучали себя къ чтенію книгъ, деревенскимъ пѣснямъ, люшнѣ; а впрочемъ увеселеніе наше состояло осмащривать самыя старыя дерева, кои столь древни, мнѣ должно, какъ свѣтъ начался; такая-то забава была нашихъ молодыхъ друзей и наша.

Господинѣ Дорнокѣ пріѣхалъ; но какой онѣ видѣ имѣлъ: разный съ сими людьми молодыми, человекѣ хладнокровный, упрямый, властолюбивый, показывающій себя неприступнымъ. Съ перяваго взгляду мы ничего иного не ожидали, какъ своей гибели. Конечно онѣ выговаривалъ брашу и сестрѣ своей, для чего они обходятся столь дружественно съ чужестранцами:

ми: ибо по его виду казались мы низскаго соспоянїя, за шѣмъ далъ намъ чувствовашь, что мы ему въ шягосшь. Желалъ какимъ бы нибудь образомъ збыть насъ съ рукъ. Фебея учась отъ меня, начала было успѣвашь въ музыкѣ, и ей весьма желалось обучиться; но присудствїе Лорда успудило ея прилѣжность и мое наученїе. Любезная фебея весьма шѣмъ оторчилась, и давала мнѣ своими взорами знашь, что она въ меня влюбилась; когда же я о томъ узнала, то старалась ее отъ шого воздержашь; но злополучїе насъ паче воспревозмогло. Старшей ея брашъ вскорѣ потомъ влюбился въ Ладїю Супшангону, и не умѣлъ шого скрышь; ибо отъ шого времени, какъ онъ прїѣхалъ, началъ сомнѣваться о нашемъ мнимомъ супружествѣ. А какъ мы рѣдко разлучались одна отъ другой, тогда онъ домогался находить случай, когда я занималась какимъ дѣломъ, тогда способнѣе желанїе свое производилъ онъ въ пользу свою.

Въ одинъ день оставила его я наединѣ съ Ладіею Супшангоною подѣ видомъ, будто бы давала урокъ его сестрѣ. Тутъ случился и молодой Гюгъ. Я уповая на ихъ вѣрность и дружбу, открылась имъ въ моемъ пероодѣванъѣ. Любезная Фебея содрогнулась, покраснѣла, и возведши глаза свои на Небо, закрылась руками. Ахъ! для чегожъ жестокая подруга, вскричала она? для чегожъ въ началѣ ты о томъ скрывала отъ насъ? Мы тогда были самовластны. . . . Но теперь, теперь. . . . пресекиши рѣчь, воззрѣла на меня со страхомъ и жалостію, спрашивала я ее, нѣтъ ли какой опасности нами непредвидимой. Она не прошиваясь моему вопросу, сказала мнѣ, что и она прѣмѣшила великую опасность въ своемъ бранъѣ; съ возвращенія его сталъ онъ высокомѣриѣе и спрожае, паче обыкновенія, и они извѣщены, что сестра ихъ Мабель склонилась на желаніе Шопландскаго Короля; а дабы не нависли на наше семейство порицанія, о семъ просила

Ко-

Короля, чшобѣ отѣ шаковаго стыда зашишилѣ. Во удовольствіе же Лердѣ Дорнока, за шаковое безчестіе приписалѣ ему нѣкошорый шишуль, и далѣ ему мѣсто у Двора, чѣмѣ наконецѣ Мабель и ушѣшена была, лишася чести, шдеславяся, чшо она заняла мѣсто вѣ Королевскомѣ сердцѣ, и получила названіе Графини. Я спросила ее тогда сѣ восторгомѣ, когда случилось сіе, нѣшѣ ли какого свѣденія и о нашихъ обшпоятельстввахъ. „ Будте извѣстны, продолжаетѣ Гюгѣ: бранѣ нашѣ сѣ той поры спалѣ очень золѣ, и удалился отѣ двора, не принявѣ никакихъ почестей, да и приказалѣ намѣ, чшобѣ мы всѣ письма и подарки сѣ презрѣніемѣ опослали обратно кѣ сестрѣ нашей, и сѣ той поры несказанно онѣ сталѣ премѣненѣ во всемѣ. Онѣ посылаешѣ часто, не знаю по какой причинѣ, кѣ Графинѣ Фаворикѣ курьеровѣ, не для переписокѣ сѣ ею, но можешѣ бытѣ не перехвачены ли ваши какія письма. Помершвѣла я о сей несносной измѣнѣ, но не дала

знать о семъ Сумпшангонѣ, которая слабѣе меня была удержать свои чувствованія, но неизбѣжно она свѣдала, не знаю по какому случаю и спала подозрѣвашъ измѣну. Молодой Гюгъ, примѣняя мое смущеніе, общался со-спѣшеспвовашъ въ моемъ намѣреніи, яко виновникъ нашего замѣшательства. И потому хочетъ сдѣлаться самъ гонцомъ по нашей комисіи и увѣраетъ о своей услугѣ; а естли я презрю его вѣрность, тогда бы мы не подозрѣвали его, чпо онъ вдругъ скроешся. За тѣмъ молодой человекъ ждалъ на такое свое ревностное предложеніе рѣшенія моего. Я схватила обонхъ руки, чистосердечно ихъ благодарила. Нѣтъ, имъ опвѣчала я, не потерплю сей отвѣаги. Чрезъ сіе можете вы прийти въ злобу къ брату вашему; ибо онъ подозрѣвашъ будетъ и насъ, что мы себя опврашили отъ своей должности; по сему искать будетъ и намъ пушей бѣды. Не возможно спастся, дабы наши пріятели не провѣдали о мѣстѣ, уда судьба насъ ввѣрила.

Ме-

Между шѣмъ всякій вечеръ испровергалъ нашу надежду, и заснула зима въ нашемъ старинномъ жилищѣ, гдѣ встрѣ со всѣхъ сторонъ проицалъ. Многія ночи мы безъ сна проводили, ужасаясь морскаго реву, который примали за жалостный вопль.

Я уже въ опчаянїи находилась тогда, какъ нашъ хозяинъ уѣхалъ на охоту. Прогуливалась по обыкновенїю по вышнѣ замка. Увидѣла вдругъ небольшой корабль, или нѣкоторое плывущее судно опмѣнное предъ рыбачьими. Когда оно спало преплывать къ берегу, тогда узнала, что на немъ былъ Англинскій вымполъ. Я обмерла опъ радости и нешерифня, а оно ближилось къ берегу. Увидѣли мы ливрею Эсексову. Вскричала я безмѣрно радостнымъ воплемъ, и бросилась бы въ море со стремленїемъ, естльибъ Гюгъ не схватилъ меня за плашье., Эсексъ! Эсексъ, вскричала я; Офицеръ привсталъ на суднѣ, и я узнала, что это былъ Трасей Адьюшаншъ и наперсникъ Эсек-

Эсексовъ. Тотчасъ побѣжала я сказать о немъ Сумпшантонъ. Она какъ услышала, такъ омертвѣла отъ вѣспи, кою я ей сообщила. Тютъ вышелъ встрѣшилъ иностранца; ввелъ въ нашу горницу. Мы окружили его съ воплемъ: Трасей! ты ли? . . . Эсексъ! Сумпшгантонъ? — Они живы отвѣчалъ онъ. Желаніе его васъ видѣть благополучнымъ — Боже! пріими нашу благодарность. И тако мы окружая Трасея, дѣлали ему тысячу вопросовъ. Но когда восхищеніе наше поутихло, тогда Трасей рассказывалъ, какіи были слѣдствія путешествующихъ опасныя Милорда Эсекса и Сумпшгантона. Едва я о нихъ рассказать въ состояніи. Когда бы я не былъ увѣренъ, что они въ добромъ здоровьѣ, то бы не сталъ вамъ наводить скуки. Чѣмъ бы вы могли ушоять свою печаль, есльи бы въ сіе время случилось вамъ быть въ Англїи?

Я слѣдовалъ Милорду Эсексу со ужасомъ и безпокойствомъ на кораблѣ плывущемъ въ Лондонъ, и мое по-
бу-

бужденіе паче умножилось , видя его
смяжкою печалію объяша и въ молчали-
выхъ размышленіяхъ. Иногда прогонялъ
свой мрачный облакъ, вспупая въ бе-
сѣдованіе наше и принуждалъ себя по-
пишь сверхъ своего обыкновенія. Сіе
было первый разъ во всю его жизнь,
а иногда сидѣлъ опершись на бортъ
корабля, устремляя свой взоръ на ка-
шующіяся волны . . . . Трасей мнѣ го-
воришь: Лордъ Сутгамптонъ, не дума-
ешь ты ни мало о швоемъ Лордѣ. Наша
участь, опвѣчалъ я, ешь невѣрная и
мы печемъ на удачу.

Уже мы увидѣли берега нашего
отечества ; но сомнѣніе и безпокой-
ство покрыло мрачнымъ облакомъ на-
шу преспективу. Прибытіе Эсексово
разгласилось за новость. Прибыли ко
Двору по ушру; еще Королева не вспа-
ла. Увы ! дворъ не потъ спалъ, какъ
мы его оставили. Видно намъ было,
что партія Сесия очень усилилась.
Лордъ Трасей мимо шедъ Эсекса, при-
шворился, будшо его не узналъ. Ми-
лордъ хошя видѣлъ, что жребій во

упадкѣ, однако пошелъ къ Королевѣ безъ доклада въ покой Королевины. Въ тошъ часъ приняла его учтиво и милосливо, дала ему аудіенцію, коей онъ пребова. По долгомъ разговорѣ онъ вышелъ, и видѣлъ, что съ радостнымъ лицомъ знаемые привѣщспвуютъ его. Воображеніе открыло имъ, что онъ имѣетъ силу дѣйствовать надъ разумомъ Королевинымъ. Паки премѣнились; ибо грубость видъ ихъ не обезображивала, какъ прежде видно было, что сія злѣйшая партія прошиву его вооружалась. Тѣ самые поздравляли его, кои за часъ предъ тѣмъ акн не узнали его, и уже падали предъ его ногами. Но сія не знаменша побѣда была для Эсекса, да и не долго продолжалась. Хитрый Сесиль и его сообщники нашли способъ, когда онъ вышелъ отъ Королевы, что всѣ законы запрещаютъ нарушить, какъ ея фаворитъ учинилъ, что осмѣлился оставить службу, и безъ ея указу отбѣхалъ изъ арміи; еще и привезъ съ собою толпу отборныхъ людей, ко-
то-

порые яко идола обожаютъ Эсекса. Таковымъ представлѣнемъ они прострѣлили сердце Елисаветино, обличая ее аки въ слабости; а шѣмъ и перевѣсили власць на свою спорону. Повиновалась она злокозненному предложенію его непріятелей. Сказано ей было, что онъ употребляетъ поиски даже до ея комнашы, и что явно всему обществу, какъ она отваживается до сего допускать его, а еще шѣмъ болѣе опасно, что онъ пришелъ въ любовь неограниченную у народа. Никогда бы они того и не доносили; но мучимы совѣстью и вѣрностью, обязаны своей Государынѣ, должны они такъ поступить, не изобрѣли лучше ничего, какъ сею клеветою воспредить Елисавету. Она повелѣла своего фаворита взять подъ караулъ. Ты знаешь сердце Милордова, продолжаетъ Трасей, воображай сама, а я не могу описать, сколь ему то чувствительно бытъ публично обругану. Сей ударъ неожиданный овладѣлъ его разсудокъ; вдался онъ въ несказанную ярость,

выхватилъ шпагу, и опдалъ тому Офицеру, который съ симъ объявленіемъ былъ присланъ, сказавъ, дабы онъ донесъ Королевѣ, что онъ проситъ рѣшить скорѣе дѣло сіе; понеже самая смерть меньше его устрашаетъ и бесчеститъ, нежели невинное поруганіе. Вошше спарались друзья его умалаять гнѣвъ его. Ранившее сердце бесчестіемъ ниже весь свѣтъ упишитъ не могъ бы; съ досады онъ кричалъ громко, что Царица пережила свой вѣкъ и что душа ея уже соохлась съ шѣломъ Сіи слова Королевѣ рассказали, что натурально ее разсердило; пошому и приказала его опдать подъ арестъ Лорда Клеера, коего домъ напоследокъ сдѣлался шемницею. Какая чрезвычайная печаль объяла сердце Эсекса, напоминая себѣ, что по неоспорожности его онъ преданъ въ руки своихъ непріятелей! о чемъ ревель онъ, яко левъ пойманный въ шенешы; а я не покидалъ его ни на одну минушу.

Я ему сдѣлался яко пласпырь, напоминая образъ любезной его вояжир-

жирки, коея разныя приключенія были ему горчае смерти. Между тѣмъ не имѣлъ я способа, дабы обратишь его на иной путь. Видалъ текущія слезы по лицу его отъ любви и оторченія; тогда онъ мнѣ казался столь печаленъ, что не смѣлъ я на него взглянуть. Пощади меня, вскричалъ онъ, избавь сего напоминовенія меня раздражающаго; падшій въ поношеніе въ немилость тюремникъ, могуль зрѣть на сію благородность, на сію несчастливую красавицу? Я тебѣ, сказалъ Трасей, съ радостію бы желалъ видѣть смерть, нежели обѣяться стыдомъ и опчаяніемъ? Во свидѣтельство моей любви, Милордъ снисходилъ, говоря о тебѣ безпрестанно, и не скрывалъ тайну касательную до обхожденія съ побою, будучи благонадеженъ, что она предана будетъ молчанію. Вѣрь Миладія, что прежде кочится бышіе мое, нежели опкроется вѣрность. Повѣрь мнѣ, что я защищать буду моего благодѣтеля до послѣдней капли крови, и

умру, есѣли ему шо надобно, на его споронѣ.

Лордѣ Сусгампшонѣ хранишѣ къ ему непрерывную преданность, хопя онѣ и зналъ, что всѣ дѣйствія подсматриваемы были. Сесиль весьма домогался узнать мысли Лорда Эсекса. Время охладило спраспи Милордовы; однако онѣ не хошѣлъ покориться. Внутренно чувствовалъ свою обиду, коей онѣ не могли перенести впалъ въ болѣзнь. Печаль его сразила, и изчерпала его силу. Настало время, и дошли вѣспи къ нему и Лорду Сусгампшону, что ихъ любезные въ Кумберландіи живущѣ покойно. Настало время, говорю я, увы! оно минуло. Опасаясь опнестись одинѣ другому Лордѣ Сусгампшону посылалъ гонца за гонцомъ, но вошце, а чрезъ нѣскольکو дней премѣнилось въ правду. Тогда Лордѣ Эсексѣ впалъ въ жестокую лихорадку и слегъ въ постелю. Ихъ уже нѣшѣ, любезный Сусгампшонѣ, кричалъ онѣ съ произнесеніемъ напрягающимъ, ихъ уже нѣшѣ! небо избавило сїи

сїи невинныя и чувствительныя сердца испытать нашего мученїя. О! любезная Элеонора! я жалѣю, что не могу тебя осязать моими руками, и слышишь швой пяжкою спонѣ, и бышь погребенѣ съ шобою вѣ пространномѣ Океанѣ. Смерть не моглабѣ разлучить союзѣ нашѣ, который рокѣ испровергѣ; но я подщусь тебя постигнуть, Элеонора моя первая, и едина возлюбленная!

Сїе напониновенїе нѣсколько его облетчило. Королева не весьма увѣрялась на донесенїяхѣ, кои кѣ ней доходили о немѣ; ибо непрїятели его слишкомѣ уже на него клеветали, донося, что болѣзнь его не иное было, какѣ пришворѣ. И шакѣ желали, чтобѣ возбудишь Королеву ко умноженїю строгостей. Между шѣмѣ она еще склонносшью своею кѣ нему побуждаема была, и пошому изыскивала испиину, и навѣдывалась о немѣ обстоятельно; послала своего докшора осмошрѣшь его. Докшорѣ увѣрялѣ ес, что Милордѣ опасно болѣнѣ, шого ради по-

велѣла его лечишь прилѣжно, а припомѣ имянемѣ своимѣ велѣла объявишь, дабы онѣ и самѣ пекся о своемѣ выздоровленіи; ибо она хочеть его снабдишь всѣми шѣми же правами, которыя опѣ него опѣяшы, но и шо его не порадовало. Присудствіе Сушгамптоново единое было его ушѣшеніе. Сей вѣрный другѣ безѣ всякой нужды, но изѣ единой дружбы подкрѣплялъ его печаль вѣ молчаніи. Новый вѣспникѣ былѣ посланѣ вѣ Кумберланды вѣ Гавань, гдѣ вы сѣли на судно, и привезѣ вѣспь, что Капишаншу того судна видѣли они вѣ шраурѣ, пошому что весь екипажѣ потонулъ.

Искусство докшорово излечило его опѣ лихорадки; но на шо мѣсто напалѣ на него знобѣ до опчаянности. Сесиль удивился, слыша вѣ немѣ премѣну, и говорилѣ, что онѣ уже не способенѣ кѣ военнымѣ дѣламѣ, будучи вѣ великомѣ упадкѣ и меланхоліи. Да и народѣ принялъ сторону пришѣшнителей, кричалѣ громко, что онѣ достоинѣ бышь жертвою его паршіи;

на-

напрошивъ Елисавета по любви своей къ нему, выпустивъ его изъ шюрмы, велѣла ему ѣхать въ свою деревню. Унынїе превозмогло всѣ веселости, и ничто ему не было прїяпно.

Видѣвши я Милорда въ шакомъ обстоятельствѣ, опспросился у него на нѣсколько недѣль видѣться съ сродственниками; а внутренно мыслилъ нанять судно, на кошоромъ бы вы могли доѣхать въ Кумберланды. Прїѣхавши изъ Шотландїи, мапросы сказали мнѣ, гдѣ васъ найши могу. Въ чепыре дни моего плаванїя имѣлъ счастье васъ найши; благодарю Небо, что вы поѣдите обрадовашъ сердца спраждущихъ моихъ благодѣтелей.

Въ продолженїи сей повѣсти едва я дышашъ могла; мяшежными моими мыслими вдавалась я во всѣ страданїя о моемъ любезномъ. Эсексъ поруганъ, заключенъ, и жизнь его во опасности! Взирала я кругъ сихъ мрачныхъ башенъ, всюду видѣла непри-

Д 5

ступ-

спушную высоту, внутренно молила Божество: Ты меня зашочило, спаси, молила такого рвенія, коего понести не могу. Ахъ! Эсексъ! швое благополучіе опровержено. Бѣдственна опрехся славы и великолѣпія. Твое великодушіе соблюдаетъ неопѣемлемую швою спрасъ ко мнѣ; о всемъ шомъ я плакала горько.

Не могла я уполишь моего волнованія; спѣшили мы сказаъ Трасею о имени и характерѣ нашего хозяина при его глазахъ. Едва мы успѣли о семъ сообщивъ, шо Лордъ Дорнокъ съ охоты пріѣхалъ; вшелъ въ покой нашъ прошивъ обыкновенія съ видомъ печальнымъ: но увидя Англинскаго Офицера, нѣсколько наморщился. Ошблагодарили мы хозяина за угощеніе столь долговременное. Трасей поднесъ ему знатные дары. Между шѣмъ Шотландецъ не одумался, что на шо опвѣчашъ; а Трасей поворопаясь къ намъ говорилъ; „Я долженъ опвѣчашъ Королевѣ за каждую минушу моей медленности, ешъли упушу назначенное мнѣ
вре-

время. Извольте прощаться съ вашими друзьями, и поспѣшимъ ѣхать въ Англїю; шаковыя рѣшительныя слова паче привели въ смущенїе хозяина, что явно было видно на чертахъ лица его.

Мое сердце разыграло отъ радости; я готова съѣсть въ судно въ ту же самую минушу, не смотря, что вѣпрѣ дулъ съ моря; но мажорсы сказали, что никакъ и выѣхать не лзя, а развѣ заупро. Лордъ Дорнокъ еще казался печальнѣе, и онъ хотѣлъ задержашь женщину ему понравившуюся, топовѣ былъ на убїивство; почему мы ночь сію препроводили въ ужасномъ страхѣ.

На другой день вознамѣрились мы ѣхать очень рано; но услышали вдругъ необычайный шумъ въ замкѣ; поглядѣвши въ окно, увидѣла двашцашь человекъ вооруженныхъ. Тотчасъ, бросилась я къ Трасею, а онъ уже и прїюготовился къ оборонѣ, естли они похощашь на него напасть. Лордъ Дорнокъ въ ту же минушу вшедши далъ
знашь

знать, чтобы разснаспили судно; возжегъ онъ шѣмъ Трасея. Хващается онъ за шпагу; но видя, что храбрость его ничто прошивъ поликаго числа, и что не можно ему защищаться иначе, не подвергши насъ гибели, вышелъ вонъ.

Всякіе удары, кои судьба мнѣ опредѣлила, не имѣли никогда сему подобнаго. Когда Трасей началъ поднимать парусы, тогда Дорнокъ разпустилъ своихъ крестьянъ. Совѣшую шебѣ, ему говорю съ презрѣніемъ, поступать съ нами благоприснойнѣ, или ты будешь опвѣчать швоему Королю и нашей Англинской Королевѣ, коихъ ты именуешь Государями. Я знаю, что дѣлашь, опвѣчаешь высокомѣрно Шопландецъ касательно до Шопландскаго Короля; чтожъ надлежишь до швоей Королевы, то благонадеженъ, что сѣя старая женщина все сдѣлаешь для Шопландскаго Короля.

Между шѣмъ въ сей же самый день, вмѣсто того, дабы поступить съ нами ему суровѣе, предупреждалъ онъ

онѣ угождашь намѣ сверхѣ обыковенія, и не поступалѣ съ нами власпительно, а изъяснялѣ свою нюкмо любовь къ Сушгамшпонѣ, доставляя ей все свое имѣнїе, и всѣ шиплы славящїяся въ его фамиліи. Сте все было при моемѣ присудствїи; по сему и я вошла было въ сей разговорѣ. На что онѣ мнѣ сказалѣ, чшобѣ я умолчала, совѣшуя опноситѣ обьясненїя въ ту сторону, куда имѣю склонность, понеже я худо разумѣю о швоемѣ полѣ; и такѣ онѣ вмѣсто одной любимой могѣ имѣшь и двухѣ. Смущаясь отѣ такогю грубата опшѣша, говорила ему, чшо онѣ не можешѣ проникнуть сїю шайну, чето ради мы имѣемѣ разныя одежды; но придетѣ время, чшо будешѣ знать о именахѣ нашихѣ, и о нашемѣ существованїи, куда шебя позовупѣ дашь опчотѣ въ швоемѣ несмысленномѣ поведенїи. Тогда узнаешѣ пы какогю мы рода знашнаго. Величественный видѣ, копорый я предпрїяла, влїялѣ въ него почшенїе, и жалѣлѣ

о томъ, что онъ поступилъ такъ неблагоразумно.

Болѣе не имѣла я нужды носить мужское платье и шапшъ о нашемъ состоянїи, и я надѣла женское платье.

Въ сей самый день курьеръ подалъ письмо къ Лерду Дорноку; мы тогда сидѣли въ спальнѣ съ двумя сестрами его. Онъ съ великою поропливостїю его чиналъ, и прочишывая ударилъ себя по головѣ; вышедъ отъ насъ, во весь вечеръ ни казался намъ.

Мы думали, что изъ того происшествїя заключишь должно? Не имѣешь ли онъ повелѣнїя, чтобы насъ выпустишь. На другой день по утру Фебея вошла въ нашу горницу съ веселымъ, купно и печальнымъ лицомъ. Братъ мой, говоришь она, рано весьма уѣхалъ сего дня, а мнѣ приказалъ вамъ сообщишь, чтобы вы замокъ его не считали болѣе пюрьюмою народною, ни его спорожемъ. Вы вольны; онъ не ворошится сюда дополѣ, доколѣ вы не ошвѣдите изъ его дому.

Вамъ

Вамъ легко уже узнать, какую радость навела намъ таковая вѣсть неожиданная, едва мы фребеѣ въ помѣ и повѣрили; но слезы ея оказывали правду. Мы ей скали во ушѣшеніе ея все то, что могла вразумить наша дружба; мы условились переписываться, когда мы прибудемъ въ Англію. Мы собрались совѣмъ, и только ожидали извѣщенія нашего благодѣтеля.

Должны были похвалить поведеніе Лорда Дорнока и дѣйствіе его при опускѣ. Онъ съ нами поступилъ великодушно. Между тѣмъ Ладія Сумпшанпога, будучи меня проницательнѣе, исполковала его поведеніе, что онъ писалъ многократно къ сестрѣ своей Мабелѣ, дабы она упросила Короля Шотландскаго задержать насъ яко невольницѣ. Но письмо, которое онъ получилъ отъ сестры, значило, что Король не склонился на ихъ желаніе, хотя она и великую силу надъ нимъ имѣла. Статься можетъ, что наши пріятели превозмогли. Сіе обьясненіе есть
спра-

справедливо. И такъ считали за счастливымъ успѣхъ нашего послѣдняго состоянiя , забывъ всѣ минувшія досады.

Трасей пришелъ снарядя всѣмъ наше судно, и по приказу Королевскому взялъ екипажъ многолюдный, дабы можно было сопрошиться судамъ Лорда Дорнока , но уже не было нужды.

Трасею каждой изъ насъ подальше тогда письма наполненныя дражайшимъ и любезнымъ привѣтомъ; Эсексъ весьма изъяснялъ свою радость, слыша мое вторичное воскресеніе. Колико онъ чувствовалъ удовольствiя, нашедъ меня.

Извини меня любовь , что тщетная жажда къ славѣ насъ разлучила. Нынѣ отрицаюсь я всякаго военнаго дѣла. Дворъ мнѣ сталъ посылъ. Душа моя желаетъ наслаждаться крошечкою и невиновнымъ веселіемъ, находя во общихъ сердцахъ нашихъ благополучіе. Я не есмь , любезная Элеонора , Эсексъ шотъ , коего ты знала. Я уже
жи-

жишель деревенской, обиташь буду съ
побой, проклиная свѣтъ. Хотя и въ
пустыни, но буду наслаждаться Фило-
софіей любя тебя. О! закрой свои глаза
какъ и я на прошедшее, и обрати
своей взоръ къ будущему; не терпѣли-
во жду своего прибытія въ Кумбер-
ланды; съ того самаго дня узрю на-
чало моего счастія.

Таковыя изреченія поселились въ
душѣ моей подобно разнѣживающейся
розѣ или молодой весенней травѣ: на
нихъ, когда преспанетъ душъ вѣтръ,
является злкъ, и какъ бы веселят-
ся они, что минули бурливые вѣтры
заглушающіе ихъ красоту.

Обнадеживала Фебею, что пріем-
лю я участіе въ ея благополучіи. Я
примѣшила Трасея, что онъ лучше
меня въ ней провидѣлъ пихость и бла-
городную простоту, равно какъ и прі-
ятность въ нашей молодой подругѣ.
Ладія Сунгампона хвалила въ при-
судствіи Фебен достоинство, дарова-
ніе и рожденіе Трасеево. Мы взаимно

увѣрляишь не забывать другъ друга. Я общалась по прибытіи въ Кумберланды нашимъ увѣдомишь о путешествіи.

Наша ссылка кончилась, любезная Ладія Пемброкъ. Прости на вѣки почтенный замокъ Дорнокъ! прости богатство честь и слава! Я льстилась опѣвжавши вселишься въ нѣдра крошкѣя любви.

Корабль нашъ плывъ очень быстро. Островъ сей долго былъ видѣнъ . . . . Уже я почувствовала свѣжестъ и обоняніе пустыни Кумберландской! Кто знаешь, кого мы найдемъ на берегахъ или въ замкѣ? Кто знаешь о помѣ? Думаешь ли ты Сусгамптона, что насъ никто на сихъ берегахъ не ожидаетъ.

Уже намъ стала показываться прекрасная Англія, и мое сердце веселіе ощущало прежде, нежели мапросы вскричали: „ Земля! „ Мы на приспаніи увидѣли служителей и разныя веселія. Какое прекрасное было сіе путешествіе. Сколько увеселяли наше зрѣніе

пре-

преспективы нашурою произведенные. Къ помужь присоединены были высокія горы, защищающія отъ солнечнаго зноя, плодоносныя долины покрытыя зеленѣющимися вѣшвями, между коими исшекали испочники воздухъ охлаждающіе.

Среди сихъ лабиринтовъ зеленѣющихся увидѣли мы замокъ Сушгамппоновъ; хотя и обвѣпшалъ, но гермипахъ въ пріятной чистотѣ сего дома; сжимала я свои руки всякую минушу, благословя судьбу, что позволила мнѣ еще дасть опраду.

Хотя сіе и старое жилище, какъ я тебѣ описывала, любезная Лади Пемброкъ, но мнѣ шакое и надобно. Когда я не бесѣдую съ тобою, то чѣмъ могу наградить тебѣ часы? споль долгіе! . . . О моя любезная! не въ состоянїи я описать сладостнаго успокоенія, которое обитаешъ въ моемъ сердцѣ. Крошость моя безмятежна; чувствую въ себѣ силу, и кажется моя форшуна не можешъ меня мучить.

Обижаю нынѣ въ нѣдрахъ матери
нашуры; здѣсь моя душа, яко пи-
ща упружденная опѣ полешовѣ, о-
брѣтаетъ свою пустыню. Кажется мнѣ,
что я не могу быть счастливѣе. . . .
Не могу довольно возблагодарить, кто
содѣшеть сего моего благоденствія.
Гордость, щещеславіе, любовь и бо-
гашство, всѣ сіи мечпы ни во что
вмѣняю, и изпоргаю ихъ изъ моего
сердца. Непорочность едина процвѣ-
щаетъ въ ономъ.

Хвальное небесное свѣшило, о
солнце! ты мнѣ кажешься за новоспѣ;
твои блистающіе лучи веселятъ мои
очи. Какой прежде мракъ и густая
шуча находилась между мною и по-
бою! Прости моя любезная продерзо-
сти мои глупыя.

Поспѣшай ты, великодушный Тра-
сей, скачи уведомишь того, кого я
люблю; уведомишь его о нашемъ счас-
ливомъ прибытіи. Но Трасей еще не
поѣхалъ. . . . О! спѣши мой Эсексѣ;
оставь шумъ при краѣ пропасти. По-
спѣшай наслаждайся со мною во уе-
ди-

диненіи. Не бойся Елисаветы; мы избѣгнемъ ея власти. Прійди возлюбленный мой, здѣсь удалишься шумнаго жишія. Единныя древа въ вѣщаніе да budouшъ. Книги составяшъ наше увеселеніе и благоденствіе.

Громовый ударъ висѣлъ надъ головою моею. Небо мстительное! для чего ты не разбило меня въ прахъ?.. Судима! : . . осуждена! . . . Между шѣмъ я въ сей ненавистной пустынѣ вижу сны. . . . счастливы сны. . . .

О! пусти меня ввергнуться слѣпою среди сего проклятаго двора. Пусти меня воплемъ моимъ покрышь вопль арміи. . . . спѣнаніе умирающихъ . . . Естьли въ нашурѣ подобный моему ужасъ; едино наденіе вся вселенной можетъ равняться со мною: но дайте, дайте мнѣ преграду въ моемъ сердцѣ. . . . Ахъ! Ладія Пемброкъ! . . .

ПИШЕТЪ

ЛАДИ ПЕМБРОКЪ.

Взявъ перо, препенещь рука моя окончатъ испорію любезнѣйшей и несчастливѣйшей изъ всѣхъ женъ, которая не въ силахъ описать сама свои несчастія, Увы! а они еще умножились.

Оборотъ Элеоноры въ мнимой ея смерти удивилъ меня чрезвычайно, и я думаю, что тогда ея душа не существовала въ ней; но удалось ей весьма счастливо произвешъ свою хитрость, и прикрыть свое положеніе.

Тогда, какъ мнѣ подали, не возможно ей было не замѣнить приспращенія, съ каковымъ она зрѣла на характеръ, дѣйствія и намѣренія ея любовника. Эсексъ, справедливо сказавъ, имѣлъ чистое сердце и великодушное, что каждого человѣка одоужавъ готовъ; но при семъ чистосердечіи не старался различать лукавства отъ лести, кое его непріятели ему соплешали. Легкомысліе его было
перъ-

первою погрѣшностію ; не могъ раз-
смопрѣшь обмана. Его крепость при-
родная прошивное полагала сему по
причинѣ его амбиціи , кошорая его бы-
ла вторая погрѣшность. Онъ на всѣхъ
равно обращалъ свой благодѣтельный
и челоуѣколюбивый взоръ ; сїи двѣ
страсти одна другую поспигали. Его
разположенія весьма не удобно совер-
шены. И такъ естѣли бы онъ велъ
себя оспорожно , тогда могъ бы усмо-
трѣшь , колико сердца всего Государ-
ства ему привержены были , исклю-
чая завистниковъ , но и тѣхъ была
самая малая часть. А какъ завистники
сїи были хитрѣе его , то и могли его
ввести въ несчастіе ; что и удачно
совершили. Донесли они Елисаветѣ ,
что буншовчики Тируанскіе одержали
верхъ надъ Англичанами по нерадѣ-
нію и медленности Эсексовой , и при-
чли ему въ вину. Явился онъ ко Дво-
ру , и присталъ къ Королевѣ съ ви-
домъ смѣлымъ своея невинности ; прї-
емъ ему сдѣланъ знаменитъ , и она
милосливо выслушала его оправданіе.

Та-

Тако и разсались они друзьями; въ-
рочно, что Эсексъ мнилъ бытъ по
прежнему въ фаворѣ, и радовался,
что побѣдилъ своихъ непріятелей.

Но непредвидимое несчастіе по-
разило его вдругъ, аки громъ. Елиса-
вета огорчилась весьма, какъ докторъ
ей сказалъ о состояніи Эсексовомъ;
думала сама его посѣпить; но Сесиль
предупредилъ отвратить ихъ свиданіе:
однакожъ она за удовольствіе
почивала имѣть съ нимъ переписку,
когда онъ выздоровѣлъ. Въ сихъ пись-
махъ, укоряя его о прошедшемъ пове-
деніи, дала ему чувствовать, чтобы
онъ не сомнѣвался о томъ, дабы не
было въ ея душѣ никакой спраши.
Эсексъ навѣрно полагалъ, что Элеоно-
ра умерла; почему опвѣчалъ Короле-
вѣ, что душа его никакого дѣйствія
не имѣетъ кромѣ сожалѣнія; и такъ
Елисавета не сомнѣвалась о его спра-
ши, почивая Элеонору уже мертвою.

Тогда Трасей прѣхавши, сказалъ
Эсексу, что его любовница жива; но-
вая

вая напасть смушила его покой. Не лъзя ему въ помѣ уже отккрыться было; впалъ онъ въ неизвѣспность, по сему спрасть преклонила его перемѣнить свое намѣреніе.

Получивши позволеніе отъ Королевы пріѣхать въ Лондонъ, Эсексъ пакки началъ являться народу. Въмѣсто того, чшобы ему искасть совершеннаго прощенія, онъ почти не выходилъ изъ своего дома; да и призывалъ къ себѣ шолпы подлыхъ волочагъ и вздорныхъ людей, кои приносили ему похвальныя слова.

Елисавета узнала о томъ съ сторченіемъ; присматривала за его поведеніемъ политическою хитростію. Непрїатели въ ту же паршію вмѣшавшись, навѣдывались и проицали всѣ ихъ разположенія, и разсѣвали именемъ Графа по провинціямъ сѣмена бунта и измѣны; а сія хитрость возымѣла хотя не великій успѣхъ, однакожъ разпространилась шолпою его паршіи всюду, и сумозброднымъ шумомъ удивляла всѣхъ. И такъ несчастный

Эсексъ изкопалъ самъ себѣ ровъ, въ который низверженъ.

Сія сцена открылась; по причинѣ ссоры между Лордами Сусгампшономъ и Греемъ, и Грей ашаквалъ Лорда Сусгампшона на улицѣ; за что обидчикъ былъ наказанъ. . . . Королева уже увѣрилась, что Эсексъ сдѣлался гордъ и наглъ; по тому унижила его, казала къ нему презрѣнїе, сердилася на него; да къ шомужъ и Сесиль подспрекалъ ее говоря, что онъ имѣетъ переписку съ Королемъ Шотландскимъ.

Переписка его для Королевы ничто, но противно ей было, что Король Шотландскій былъ ея преемникомъ. Елисавета предала суду неблагодарнаго фаворита; а паршїя Сесилїева того и желала: ибо знали они, что Эсексъ умретъ скорѣе, нежели можетъ перенести поношенїе своего умысла.

Лорды Комисары собрались въ его домъ въ воскресенье, которое избрали они для того, дабы ушайшья опъ
на-

народа; застали они его въ великомъ сердцѣ. Побѣжалъ онъ на улицу вооруженъ съ небольшимъ числомъ друзей своихъ и слугъ, прося помощи отъ народа.

По несчастію не было народнаго собранія; непріятели его умышенно избрали такой день, дабы его уловить. Эсексъ бѣгалъ по улицамъ Лондона, будучи окруженъ шихими и послушными людьми, кои сидѣли предъ ихъ домами съ женами и дѣшми; а потому онъ и не былъ знакомъ людямъ сего сорта, которые по глупости своей дивились, зря его бѣгъ въ военномъ облеченіи. И такъ ни одинъ съ своего мѣста не двинулся, а сіе и умножило его опчаяніе. Нѣсколько Лондонскихъ возбудилось противъ него и пресѣкли его побѣгъ; отъ чего и произошла кровавая битва. Любезный Трасей защищаясь убилъ подлѣ его. Чеспы, поношенія, счастья, всего лишился Эсексъ; но дружбу онъ соблюдалъ въ своемъ сердцѣ къ шѣмъ, кои защищали его долго, будучи въ шоль

маломъ числѣ и померли за него съ тѣмъ.

Отъ сего часа все кончилось для него; онъ взявъ и заключенъ въ башню: непосоянство народа открылось его глазамъ. Готовился твердо прешерпѣвать судъ отъ подданныхъ себѣ; оплакивалъ Сунгамптона, что дружбы его лишенъ спалъ: ибо онъ въ заключеніи его могъ бы дѣлать съ нимъ участь.

Королева пребывала тогда въ душевномъ спраданіи; прошивность оказанная ей фаворитомъ, казалось, довольно заплачена его злоключеніемъ: но уже не въ ея было власти; ибо онъ подверженъ закону. Отдавши Эсекса подъ судъ, отбѣгала спала вся сила, равно же и просишь его была не въ состояніи. И шако во все шо время о его судьбѣ она не была извѣстна; спрадала можетъ быть сама паче, нежели Эсексъ.

Друзья Графскіе просили его, дабы онъ немедленно признался во всемъ; но не могли покоришь его гордаго духа.

ха. Какъ буду подло умолять себѣ жизни, шолько обещенной предѣ всѣмъ народомъ! Нѣшъ! когда избѣгну правосудія, надобно бѣгашъ всего свѣта, бѣгашъ должно и всѣхъ честныхъ людей, искашь себѣ безчестной компаніи. Нѣшъ, мои друзья! нынѣ я задержанъ яко измѣнникъ. Естли они уличашъ меня въ томъ, пріемаю наказаніе; естли же оправдаюсь, то сіе будетъ мнѣ во ушѣшеніе. . . Ни резоны, ни прозба не могли поколебать его намѣренія. Онъ слушалъ притворъ съ великою прердостію духа; вошще ему друзья его напоминали о любезной Элеонорѣ; но шѣмъ шолько подвигли его на слезы. . . . Вы можете, сказалъ вздохнувши, раздирать шѣмъ мое сердце; но мой резонъ ешъ непоколебимъ. Я люблю весьма тебя Элеонора, но не послушаю и швоей прозбы; сердце мое да пребудешъ швоимъ, но сей случай ешъ опличенъ. Пусть неотѣненными и чистыми слезами она омоешъ мою гробницу; оставше меня, мои друзья! слѣдовашь жребію

моему; за честь вмѣняю себѣ не премѣнять моего усшава.

Въ самое время, какъ Королева услышала объ осужденіи Эсекса, не имѣла въ себѣ покою; посылала къ нему изъ тѣхъ комиссіонеровъ сказать ему сіе: когда онъ однимъ словомъ по-требуетъ прощенія, то получишь; но онъ отвѣчалъ холодно: таковое бы Королева оказала благоволеніе прежде осужденія; но теперь я хочу слѣдовать опредѣленію и опрециися жизни. Таковой жалосный отвѣтъ могъ бы умилишь každато сердце. Желала Королева, чшобъ Эсексъ извинился, но онъ опрекся.

Ахъ! какое же мученіе было ждущимъ со дня на день Эсекса въ Кумберланды. Друзья ихъ послали нарочнаго курьера къ его супругѣ, уведомляя ее, дабы она немедленно прѣѣхала въ Лондонъ испросить прощенія ся мужу. Вѣспникъ сей заспалъ обѣихъ ихъ Ладій во всякой безпечности. Пишомы надеждою внезапно слышашъ конскій топотъ, раздающійся въ долину, бѣ-

бѣгутъ спремительно въ ту сторону, надѣясь каждая встрѣпить своего супруга, а можетъ быть и обѣихъ; но какое волненіе возспало въ душахъ ихъ, извѣстясь о ихъ злополучіи. Сусгампсона занимается своимъ собственнымъ несчастіемъ, не внимая состоянію Элеонорина, которое поразило ужасъ во всѣхъ ея членахъ. Дѣйствіе столь скорое поразило ее аки громомъ; спомнивъ она омершвѣвши, не говоришь ни слова; глаза не выпускають слезъ ни капли, смушно вершящїеся во всѣ спорны и яко покрыты мракомъ. . . Какъ я могу, о! Машильда, начертать себѣ сію печальную картину? Въ ночи она имѣла разныя перемѣны; между тѣмъ конечно она писала ко мнѣ послѣднія письма. Пошомъ впала паки въ великое изнеможеніе и ужасное безуміе, находясь немѣющею пособія.

Лади Сусгампсона вмигъ поѣхала въ Лондонъ, и опасаясь еще сдѣлать худшимъ состояніе ея друга чрезъ отбѣздъ столь скорый, препоручила служителямъ надежнымъ препро-

водишь ее попихоньку; несчастливая въ пуши вдалась по безумію въ неумфренную веселость. Сей припадокъ не опчаянъ бы былъ, естли бы при ней былъ знающій человѣкъ, который бы могъ ей къ тому подашь помощь.

Въ одинъ день спокойна она была въ своей коляскѣ; открывъ глаза увидѣла прекрасный замокъ; а какъ приспально воззрѣла на него, закричала: Кенильфорштъ! (*) Одинъ изъ шѣхъ закричалъ ей: это замокъ Форшорингъ. (**) За чѣмъ проспирала руки къ тому злополучному жилищу? вскричала, дравъ на себѣ волосы. Весь успѣхъ ея приспавниковъ состоялъ въ томъ, что вынувъ положили ее на мостъ, гдѣ она и пребыла довольное время безъ чувствъ и памяти.

Когда Лади Сунгампшна вошла въ шемницу своего мужа, пала въ его
ру-

(*) Замокъ надлежащій Лорду Лейсеслеру, гдѣ онъ жилъ съ ея сестрою. Смори въ 1 мѣ Томѣ.

(**) Последняя шемница ея машери. Смощ. Томъ 2.

руки. Удивился Эсексъ, видя ее одну; взиралъ съ великимъ шрепешомъ на шемничныя двери. Она будучи удручена печалію, не могла скрышь о несчастливомъ ея приключеніи. „Тсперь, говорилъ онъ, я чувствую всю шягосшь оковъ моихъ. О! Элеонора, не примѣрная Элеонора! вся моя опвага изчезла. „

Увѣряясь на томъ, что она привыкла жить въ Игуменствѣ, просилъ онъ, чтобъ ее увидѣшь: но его свиданіе опаснѣе было. для него самаго. Всѣ имъ предлагаемыя резоны, вся прозьба была шщешна. Въ семъ однакъ послѣднемъ желаніи его друзья сдѣлали ему удовольствіе. Въ самый шопшъ день, въ которъй ему опредѣлена была эксекуція, Сутгампшонъ прощеніе получилъ. Тогда друзья его допущены были въ шемницу входить свободно. По сему и обожаемую имъ не шрудно ввести; въ семъ злополучномъ свиданіи лишилась она ума? Да и можно ли выдержать шаковую сцену, сію мрачную шемницу, сіи желѣзныя двери?

Ж 5

ри ?

ри? которыя попчасть ошворили для ея любовника, въ кои онъ обратню проходить уже не можешъ, и на сію любезную голову чрезъ нѣсколько часоebъ подвѣшъ будешъ полоръ смертный. Онъ видѣвши ее, закричалъ необыкновенно, и обнялъ своими руками, разкликивалъ сколько можно, но все было тщетно.

Топчасъ опхвапили его изъ ея вида; опъ сего часа не хошѣлъ больше видѣшъ друзей своихъ и сродниковъ; и такъ всю свою мысль обратилъ на будущее, кое онъ идешъ совершить.

Въ ночи предъ симъ произшесствіемъ принесъ ко мнѣ вѣстникъ письмо, подписанное на имя мое и сестры моей:

„Дражайшаго и благодѣтельнаѣшаго ангела я лишился. . . . Прїимите мое послѣднее благодареніе, и опшустите мнѣ мое невѣріе, за что я доспойно наказанъ вѣрнымъ свидѣтельствомъ; опъ обличенія столь строгаго жду въ сіе ушро себѣ смерти: уже

уже зряшѣ мои глаза. . . . еще дышуца , но безмолвна толпу народа, эшефотѣ , шопорѣ; безѣ сомнѣнїя обращаю мою мысль кѣ тому. Я долженѣ размышляшѣ о послѣдней минутѣ.

Просни любезная сестра мужественнаго Сиднея ! Ахѣ ! ешлы нѣкогда вспомнишѣ , но будешѣ поздно пошпишѣ шу охлажденную спашую, которая пользовалась швоей дружбою, тогда облегчишѣ свою печаль ; и шы не оживляйся на спраданїе, моя любезная Элеонора ; пусть швоя чистѣйшая душа препочиваетѣ между живущими на свѣтѣ до уреченнаго часа , вѣ который наконецѣ мой духѣ соединишѣся сѣ шобою. ,,

Эсексѣ !

Изѣ башни.

Кажешся , что письмо сїе извѣняетѣ человѣческую слабость ; но вѣ послѣднихѣ часахѣ посвятилѣ себя закону. На шришцашѣ шрешьемѣ году сей фаворитѣ всѣхѣ земныхѣ благѣ и почестей лишился ; взошелѣ на эшефотѣ

фонтъ съ крошкимъ и спокойнымъ духомъ: попревожился народъ, оплакивалъ, но уже поздно, своего молодого и доспохвального защипника. Слышенъ былъ необычайный шумъ; взорами своими благодарили его, возводя очи свои на Небо; а онъ подвергъ себя спекулапарскому мечу, копорый и совершилъ свою должность казня его.

Мнѣ оспаеся не много описать о его возлюбленной, споль великодушной, споль несчастливой и вѣрной, копорую ни время, ни прилѣжность, ниже лекарство не возмогло обратишь въ существованіе. Находилась въ безуміи; а въ одинъ день была орудіемъ своего мщенія, кое я здѣсь объявлю.

Уже минулъ годъ, но она еще въ безуміи являлась предъ всѣми въ перемѣнѣ. Въ одинъ день впала ей хитро-стпная мысль смѣшенная съ сумозбродствомъ; ушла она изъ подшвердой стражи, прошедъ палапные исходы, кои совершенно знала.

Королева помятаясь слабостію, унынїемъ и опчаянїемъ, не имѣла душевныхъ силъ, попустила въ сла оспѣ себя. Ея услужницы безпрестанно ушѣшали ее чшенїемъ книгъ, копорыя въ ея печали ей были полезны. Въ одинъ вечеръ, я не помню, какую читала книгу до глубокой ночи. Вездѣ спало тихо; а я вздремавши переворачивала только листы, ничего не видя, и Королева буживала меня не однажды. Тогда вдругъ разтворилась дверь, и мы увидѣли подобїе женщины; подобїе сіе прекрасное. . . . но изсохшее и весьма смященное, что я едва могла узнать, что это была Элеонора. Королева весьма устрашилась ее зрѣвѣ, и испустила великїй крикъ. Я вспомнила тогда, что Елисавета ее почивала уже давно умершею; а по сему и приняла ее за шѣнь. Элеонора опускаясь по малу на землю, спала на колѣни возведши свой взоръ къ Небу, чѣмъ сразила Королеву, и она отъ ужаса пала на креслы, не имѣя возможности выговорить ни единой буквы.

Эле-

Элеонора вспавъ подходивъ къ ней, и стоя пребыла нѣсколько минутъ въ молчаніи.

Я была нѣкогда горда, гнѣвлива, говоришь она низкимъ пономѣ; но угодно Небу было за все сіе меня наказать. О! ты конечно рождена для того, дабы искоренишь родъ нашъ. Проспи мнѣ; я чувствую горестъ. . . Съ тѣмъ обрашно пала на колѣни вздыхая. Королева схватила за меня, будучи обѣяна конвульсією, и пала ницѣ на мою грудь.

Спаси меня, говоришь не ясно любезная Пемброкъ. Спаси сего привидѣнія ужасающаго. Эсексъ! . . . Эсексъ! . . . Эсексъ! . . . вскричала Элеонора, не мѣняя своей позিশуры, и всегда выражая сіе имя, руки свои подымала вверхъ. Дрожъ подхватила Королеву, слыша выражающееся сіе имя. Сказала мнѣ, что онъ заключенъ въ башню. Продолжаетъ Элеонора: я искала. . . . я искала. . . его до того, что едва не ослѣпла. Еще естли темница столь хладная, столь шемная и злосмрадная?
вѣ

вѣ копорую швой любимецѣ былѣ ввер-
женѣ , и воглаль шы его осудить на
смерть? Милосердный Боже! пове-
лѣшь ему опрубить голову! и споль
блиспающія очи лишишь свѣта! Ахѣ,
нѣтъ! нѣтъ! сему я не могу вѣрить.
Ты еще его кроешь, дабы шѣмѣ ме-
ня мучить. Эсексѣ не вынесетѣ сего;
хочешь ли шы, Милордѣ? поди. . . .
поди. . . . поидемѣ. „ Медленно она по-
всюду обозрѣвала, аки обыскиваетѣ
его своими глазами во всей шой ком-
натѣ, и мнитѣ, что онѣ за нею слѣ-
дуетѣ. Да, да, говоритѣ она оборо-
пясь сѣ восхищеніемѣ: я надѣюсь, шы
голосѣ мой слышишь. Кто же шевѣ
сопрошивляеться можетѣ? . . . Оспаеп-
ся мнѣ развѣ умереть. . . . Но не го-
воримѣ о томѣ; я пойду вѣ темницу
и спрадаль вмѣсто шевѣ буду, но
берегись говоритѣ о семѣ намѣреніи? . .
Онѣ меня любитѣ спрашно; одна
я и въздыхать долго имѣю, и произ-
вела шяжкій вздохѣ. Королева припо-
днала голову вѣ томѣ чаяніи, что
сія мечпа скрылась; но Элеонора пре-
мѣня

мѣня свое положеніе, сдѣлалась подобною человѣку, который обмышляется, что у него изъ памяти выходитъ. А! вспомнила теперь, говоритъ она, какое ты сдѣлала убійство; и мнила, что я погребена въ Форпорингъ. Какую ты имѣла причину погубить мою мать и предашь ея спраданію? Допусти ея меня видѣть, доколѣ не умреть. Ахъ! какъ я обрадована буду, видя ея на Тронѣ. . . . Да, я ее увижу, вскричала съ восхищеніемъ и радостію великою. . . . Или я не буду видѣть Эсекса? Я его жена! опвѣчаю за него на всѣ допросы вымышленные.

О! нѣтъ, я беру въ примѣръ сестру мою и не хочу быть кровопролитному тому супружеству. Вотъ тебѣ нашъ брачный перстень, говоритъ она, простерши свою руку; это ничего, что онъ почернѣлъ, о! весьма почернѣлъ подлинно. За шѣмъ подошла къ Елисаветѣ, хватая ее за руку близъ ее опущенную.

Небо

Небо! говоришь она прѣумножа по-
пошсїя; она замарана въ крови маше-
ри моей . . . . Ишь! думаю, что ско-
ро . . . . А сїя кровь Эсексов. Ты ко-
нечно его убила, имѣя къ нему глупую
свою страсть, забыла кляству. Ты у-
била человѣка наиблагороднѣйшаго. Но
будемъ говорить, естли ты хочешь, о
гробницѣ и кладбищѣ. Кажется мнѣ, я
бы порадовалась узнать, гдѣ теперь
препочиваетъ бѣдная сестра моя . . . .
Чувствуешь мое сердце, что и она
во гробѣ съ тѣми же, кои суть мои
ближнїе; или жива, но въ нѣкоемъ оби-
таешъ краѣ мнѣ неизвѣстномъ, копо-
рый можно именовать ея гробомъ. Мо-
жешь ли ты мнѣ хотя объ ней ска-
зать? она конечно обще съ Лейсеспе-
ромъ. . . . Таковыя свои послѣднїя сло-
ва выговорила она весьма крѣпкимъ го-
лосомъ, чѣмъ столь поразила Короле-
ву, что она пала въ креслы безчув-
ственна.

Я не могу описать, въ какое и я
впада замѣшательство, боясь разсер-
дись Элеонору тѣмъ, чтообъ она вы-

шла вонъ , опасаясь жестокой муки и себѣ ; а когда Елисавета опомнилась , тогда и мнѣ должно впасть въ обморокъ . Вздумала я , что лучше будетъ въ сію минушу обмануть Елисавету , и выпроводить Элеонору . Видите , видите , говоривъ она съ содратаніемъ : кто можешь смягчить столь жестокое сердце ? но я въ томъ успѣла . Выйдемъ , ей говорю я , любезная Элеонора , поведши попихоньку чрезъ двери ; Королевѣ потребна помощь . Тихонько говоривъ она со взоромъ шайншвеннымъ : услышатъ и скажутъ , что мы согласились убить ее . . . Но кто ты ? смотришь на меня прилѣжно . Мнѣ кажется , я тебя нѣкогда видала ; я не знаю гдѣ я , и куда ты меня ведешь ? Ты имѣешь ангельское подобіе ; поди , я тебя проведу .

Я приняла на сей разъ великую пихосшь и перпѣніе ; опустила на ней капоръ и повела ее чрезъ меньшей дворъ , гдѣ мои люди меня дожидались . Когда я ее отдала подъ ихъ присмотръ , тогда вшедъ въ переднюю , раз-

разбудила всѣхъ женщинѣ. Всѣ они говорили , что такое явленіе было ненатуральное.

Употребляемы вообще были всѣ способы , дабы обратишь Королеву , а къ сему нужны были дошпоры. Но спрахъ , каковъ она испышала , весьма перемѣнилъ ея состояніе. Она почти всякую минушу дрожала. — Жаловалась она на чудное видѣніе. Велѣла запирашь всѣ двери , дабы заключишь шумъ же и видимое ея ; ибо мнилось ей , что оно предъ нею. Невѣроянное имѣла подозрѣніе на тѣхъ , кто сему не вѣрилъ. Ярость и боязнь сопрягаются съ древностію ея лѣтъ. Мучишься видя въ упадкѣ свою власть. Мнила она , что каждый щепѣ похитишь ея скипетръ , коего она опдашь за живо никому не хочешь. О! Машильда! ешьли бы ты видѣла сіе мщеніе сама , то бы жаловалась надъ нею и не могла бы обойтишься безъ слезъ , видя жалкое состояніе Королевы , пріобыкшей къ великимъ почестямъ , веселію и высокомерію. Ахъ! нынѣ уже нѣтъ болѣе соб-

ранія ея окружающаго. Всѣ щеславныя души спараются первенствовать! Какъ же, не могутъ ли они видѣшь рожденную править свѣтомъ, нынѣ не могущую собою управлять? Нынѣ валеется она на великолѣпномъ одрѣ безобразна, вся изсохша; погибла она безъ друзей и родственниковъ.

При прочтеніи сей ужасной исторіи, я потрузилась въ великое разсужденіе, которую Лади Арюндель забларазсудила прервать. Упѣшенія, каковыя ея дружба вперила, произвели ударъ въ мои слухи прощающій до самой моей внутренности. Мнѣ омерзѣло сіе приключеніе, которое я читала. Увы! говорила я себѣ сама: можетъ бытъ и мнѣ судьбой опредѣлено прилѣжатель о чувстввахъ заблужденныхъ сестры моей и облегчить ея углубленные раны! Все она потеряла, все обращено въ ничто; но наши несчастія еще превосходятъ сихъ. Нѣтъ нужды мнѣ вопрошать, гдѣ она есть? дражайшая Лади Арюндель. Вижу не-

спо-

спокойность на чертахъ лица своего; оно являетъ, что единою кровлею мы прикрыты.

Лади Арюндель призналась, что сестра моя подъ ея покровительствомъ. Но между шѣмъ не давала мнѣ видѣть ее, дабы укрѣпиться мнѣ. Но гласъ природы воіялъ во мнѣ, что я нанесла смерть моей матери. Я рыдала на гробѣ моего мужа; я оплакивала спократно несчастливаго своего младенца, который препещалъ въ моихъ нѣдрахъ; я испытала всѣ роды страданій; но увидѣвши сестру, щедро мнѣ описывать ея состояніе. Посмотримъ исторію послѣднихъ лѣтъ моей жизни.

Время излечило тяжкую рану и укрѣпило мой духъ противу меланхоліи. Нечувствительно я взираала на прошедшее и со вниманіемъ обращала мою мысль на будущее. Единъ видъ Элеоноринъ поразилъ меня. Сія смѣшена была печаль съ благодарностію, когда извѣстилась я, что небо ниспослало ей благодѣтельную Ладію Арюндель, ко-

шорая по нѣсколькихъ мѣсяцахъ была объята чахошкой, не долго послѣ Елисаветы поживъ умерла. И при смерти сполько имѣла великодушія, что несчастливой Элеонорѣ опказала довольно сумму и приставила къ ней Алишю, вѣрную ся служницю; за благодаренія ей ошъ челоуѣковъ не было ни благодарности, ни славы; за что ся блаженная душа приметъ мзду ошъ Неба.

Разность непонятная въ мысляхъ моихъ и сестры моей, касающаяся до Лорда Лейсеспера, составила неизсыхаемый источникъ; ея слѣпота произошла по сей же причинѣ, каковую изыскивала она во мнѣ. Она не такъ судила о Лордѣ Эсексѣ, какъ надлежало; но я видѣла ясно его невоздержную пылкость, коя до того протспиралась, что и женщина имѣ любимая не могла укротить его разположеній. Чшожь касается до моего мужа, то она спрого о немъ судила. Лордѣ Эсексѣ, признапельно сказавъ, доколѣ не вшелъ въ фаворъ Королевы,
былъ

былъ украшенъ, какъ Элеонора, дарованіями прелестными отъ природы: взоръ его являлъ огонь и благородную осанку, которая напоследокъ разншествовала съ прежнимъ его характеромъ; но Лейсесперъ всегда былъ въ одинаковомъ положеніи. И такъ презрѣвъ Эсекса, лучше надобно влюбиться въ Лейсеспера, и любить его столько, сколько я любила. Дивилась я, какъ она любясь съ Эсексомъ, ушаены были отъ моего пронцанія? . . . Но по что входить въ такое тщешное испытаніе? Элеонора, мой любезный Лейсесперъ, я имѣю долгъ оплакивать обѣихъ васъ!

Исторія сестры моей и доднесъ не вывела меня изъ сомнѣнія. Англичане избрали Короля въ лицѣ сына Маріи Шотландской; но ея несчастливая дочь не нашла въ немъ брата, когда онъ возсѣлъ на тронѣ. Перввая предспала мнѣ мысль, дабы ему предспавить младенца, коему онъ былъ дядя, желая порадовать ее, что она имѣетъ отшмѣну по знатному рожденію;

нiю ; но прiятели сего домогались не присовѣповали , описывая мнѣ характеръ Короля , что онъ высокоумренъ , сиротѣ въ бездѣлахъ , вѣроятенъ къ своимъ участникамъ , скупъ , обложенъ фаворитами и обѣдалами , подвластенъ женщинѣ гордой ; и хотя я довольно наслышалась о его характерѣ , но желала видѣшь его въ лицо , и сколько можно хотѣла узнать по его чертамъ , шаковъ ли онъ есть , чѣмъ всѣ его порицающъ.

Я вскорѣ испышала поношенiе его непрiятелей. Увидѣла я въ лицо Иакова ; молодость его никакой живости не имѣла. Онъ имѣлъ во всемъ нѣчто подлое и лестное ; фигура его въ безпорядкѣ. Тако его видѣвши , сердце мое имѣло отвращенiе. Присмотрѣвъ я его празный характеръ и поведенiе , не отважилась ему вѣрить единое сокровище , дарованное мнѣ Небомъ ; расположилась дать дочери моей воспитанiе по мѣрѣ ея дарованiй.

Вознамѣрилась я перемѣнить свое званiе , которое не дѣлаеть ни зависи
спи ,

сти, ни спору, ниже помощи подкрѣпишь похищенную форшуну судьбою моею дочери; но надобно ѣхать въ замокъ Кенильфортъ находящейся во владѣнїи и иной фамилїи. Во владѣнїе же Лейсесперова сдѣланъ въ спѣнѣ кабинетъ столь искусно, что лучшую поклажу хранишь можно сокровенно. Мы при отѣздѣ въ Лондонъ, шупъ вложили нужныя письма брилїанты, и всѣ дорогїя вещи въ выдвижной ящикъ. И такъ вспомнила я о семъ ящикѣ, что ежели найду его, то сошавлю чрезъ то великое счастїе дочери моею; но для сего поиску спойло мнѣ немалого труда ѣхать въ Кенильфортъ.

Ладїя Арюндель похотѣла со мною путешествовать. Мы проѣзжали той дорогой, которая приводила мнѣ на память все прошедшее. Остановились мы въ Ковантрен, дабы навѣдаться о характерѣ того, кому надлежитъ Кенильфортъ. Сказано намъ, что сіе прекрасное жилище, оставленное нами, нынѣ въ рукахъ человека скупаго; онъ

Томъ III.

и

обод-

ободралъ всѣ украшенія для того, чтобы возвратить свои деньги, а па-че чтобы омерзить его проѣзжимъ, кои изъ любопытства будущъ спущать-ся у воротъ для просмотра; и хотя оно было ограблено, но само по себѣ любопытно во всесовершенной архи-тектурѣ, привлекало многихъ зрите-лей хозяину несносныхъ; а дабы то-го избѣжать, вовсе ушелъ въ отдален-ный покой, а въ достальныхъ учре-дилъ фабрику, въ которой работали пушечья упряжки. Что намъ пришло дѣлать, говорю я Лади Арюндели, естли сѣи невѣжды не пустятъ насъ въ домъ? Лади Арюндель, подумавъ о средствѣ, предложила, что мы прѣхали осматрѣть замокъ, будто мы его выкупаемъ; и когда насъ пустятъ въ комнашу, гдѣ пошъ кабинетъ, тогда должно намъ притвориться, что мы ошъ пуши занемогли⁵, и что мы изъ сего покоя выпши не можемъ. Сею е-диною хитроспѣю достигъ до сего можно; ибо и лица наши показывающъ изнеможеніе.

Въ вечеру мы прѣѣхали для того, дабы ночевать шамъ. Мы принуждены были упрашивать со униженіе опшереть намъ ворошы; вшедъ, какую мы увидѣли пустошу внутри онаго замка; уже не было слугъ богашо одѣшыхъ; весь приборъ занесенъ вдаль. Въ прохладной галлерей слышенъ былъ шумъ и раздоръ. Въ залѣ, гдѣ угощалась Елисавета, работали кова-чи; въ другой сторонѣ слышны были удары шкачей: все обращено въ чудную сумяшицу чрезъ нѣсколько лѣтъ. Проспекты, будучи очарованы, совращали насъ съ пуши; но естли описывать подробно, гдѣ мы препровождали нашу молодость, по сказать однимъ словомъ, что время все из-шребило, и мы въ мигъ соспарѣлись.

Въ маломъ количествѣ слугъ, коихъ владѣющій Господинъ содержалъ, узнала я стараго слугу. Вспомнила, что онъ былъ содержашель замка: видъ мой и одѣяніе нѣсколько похожи были на прежнее; надъ симъ слугою

сжалилась я, видя его дряхла и бѣдна, и вспомя, что онъ служилъ Лорду щедрому, а нынѣ служишь скупому. Сей бѣдный старикъ палъ мнѣ въ ноги; подняла его я съ великимъ чувствованіемъ. Прибытіе наше разнеслось по всѣмъ рабочимъ людямъ, и дошелъ слухъ даже до Сира Гюмвриморепона. Онъ вышелъ въ великомъ страхѣ изъ своего покоя; подошедъ намъ озиралъ насъ глазами очень спокойно; наконецъ подошелъ поближе, показывая видъ пріятный. Я ему прежде поклонилась, и сказала, что я была хозяйка сего замка, и имя мое Лади Лейсестера. Увидѣвъ я, что страхъ отъ сего объявленія объялъ его и наморщилъ свое чело онъ, молвила, что не имѣю никакого изысканія кромѣ шого, какъ сія сторона мнѣ всегда пріятна; за симъ испросила позволеніе нѣчто малое подать его служителямъ, хощя и награждены милосптію его. Сей бѣдный скупецъ похвалилъ мою щедрость, и предложилъ намъ, дабы

бы мы препроводили ночь въ его замкъ; чего я съ радостію и желала.

Онъ меня проводилъ въ мою комнату, въ самую лучшую, и также почно въ пу, кошорой я желала; то было пріятно, что мы не ошягощали его прозьбою; а припомъ веселѣе онъ смотрѣлъ на насъ, когда увидѣлъ, что служилели наши внесли жаренныя и холодныя мяса и бушылки винъ, кои были помѣщены въ пашу карешу. Онъ симъ такъ увеселялся, что и всю ночь пробылъ съ нами; мы думали, какъ бы онъ него ошдѣлался: а какъ онъ видѣлъ, что слуги по нашему обряду начали выходить изъ нашихъ комнатъ, разсудилъ и онъ проститься съ нами.

Когда же онъ вышелъ вонъ, я подняла обон съ ирпещущимъ сердцемъ, кои за ветхостію не были сняпы. Позади постели висѣлъ замокъ отъ кабинета; мы отомкнули его безъ пруда съ Ладіей Арюнделью. Доспигли до нашего жаланія. Плакала я;

ибо всѣ предметы наносили мнѣ жалоспное напоминаніе.

Лади Арюндель не успокоилась до тѣхъ поръ, доколѣ не пересмотрѣла все, что шамъ было. Первое, шамъ положены были переписки между фамиліями, контракты на недвижимыя имѣнія и разные опривки бумагъ невразумительныхъ. Второе, записки не весьма важныя, подъ ними небольшая баулочка вызолоченная вся; въ ней-то лежали всякіе дорогіе каменья и билеты на великую сумму. Такое великое богатство составляешъ для моей любезной Маріи немалую форшуну. Тысячу разъ возсылала я благодареніе Всевышнему Существу, что избавилъ насъ отъ несносной бѣдности, и соблюлъ оное сокровище для нашего блага.

Во всю ту ночь Лади Арюндель и я неусыпно спарались убирать все въ нашъ чемоданъ, который мы привезли съ собою нарочно; убравши по прежнему, заперли кабинетъ, и легли на постели на нѣсколько часовъ.

На

На другой день мы поѣхали рано по утру, взявъ съ собою стариннаго слугу Лерда Лейсеспера, который могъ намъ быть способенъ, и еще двухъ слугъ, кои за долго до того выѣхали изъ замка, и живутъ бѣдно. Я довольно ихъ наградила, чшобъ они служили мнѣ вѣрно во всю свою жизнь.

Знатные купцы Лондонскіе билеты мои признали, и дали мнѣ немалую сумму, дабы подкрѣпить меня и дочь мою ко изобилію привыкшихъ. Несчастія и времена утвердили нашу дружбу между Ладіей Арюнделью и мною. Я соединила доходы мои съ ея и сославили единъ домъ. Жительство она имѣла близъ Лондона, гдѣ способности мнѣ достать лучшихъ учителей изъ сей столицы. Болѣзнь Ладіи Арюндели содѣлала ее неисходну; а увеселяло насъ особенно воспитаніе дочери моеи, и мало мы жалѣли, что опстали отъ свѣта.

Ахъ! могла ли я пріискать веселія многа? Паче прости мнѣ, государыня,

что опчасни покажется смѣшнымъ любовь матерня. Но позволю мнѣ сдѣлать описаніе: отъ роду ей было шестнашцать лѣтъ, росту она была не много побольше меня, глаза ея исполнены огня, лице походило нѣсколько на отца, сіялъ на ономъ румянецъ; волосы шемнорусые падали буклями по плечамъ, пронцапельна, плѣнипельный голосъ, разумъ острый, чувствительность сильная. Одинъ свойственный ей молодости порокъ, чтобъ быть въ веселіи, и жить въ свѣтѣ. А дабы ее ушѣшишь, я нанимала музыкантовъ, чтобъ ее увеселяли. А поелку она украшалась своими дарованіями, но и содержала я ее въ сокрытіи, препоручая Божескому провидѣнію; ибо ни мое попеченіе, ниже самолюбіе не содѣлаюшъ ей счастья, кое я ей пріугошовляю.

Читая шаковое описаніе, подумаете, что я имѣю матернюю слѣпошу; но-я предсавлю на то достовѣрныхъ свидѣтелей, кои знали мою дочь. Между шѣми Лади Арюндель не опре-
чеш-

чешся сіе подшвердишь, которая так-же еѣ любишь, какъ и я, и увеселяешся ея дарованіями пекшись о склонно-ствяхъ ея.

Ни въ чемъ такъ молодости удобнѣе испышать, какъ храненіемъ шайны, кою я вперяла своей дочери, дабы со временемъ вкоренилась въ ея сердце; я вперяла въ нее по малу понесенные нами труды и приключенія; а сей мой поступокъ болѣе утвердилъ въ ней горячность, но опасалась, чшобъ чувствованія ея не перемѣнили ея положенія, наслышась о бывшихъ съ нами несчастіяхъ.

Она не думала никогда о самолюбіи своемъ, которое ошлпчало ее отъ прочихъ рожденіемъ; а только омочала руки мои слезами. Поспѣшала исполнять все то, что мнѣ угодно. И чѣмъ болѣе шворила мою волю, тѣмъ паче беспокоила меня; казалось мнѣ, узнала она, что я имѣю ее единственнымъ предметомъ на земномъ шарѣ, старалась же угождать она и своей

пешкѣ, дабы подкрѣплять ея нестасія ; а когда она была больна, иногда Марія забавляла ее, играя на лютнѣ, и шѣмъ облегчала смущенный духъ своей пешки, и въ то же время ушѣшала меня.

Довольна я шѣмъ, что влѣяла перьвыя начала моей дочери, коими она въ состоянїи управлять въ ожиданїи, что время и обстоятельство доведутъ ее до совершенства, и предсиперегущъ ее отъ разныхъ пороковъ, содержавъ ее подъ моимъ присмотромъ, аки призракъ моего радованїя.

Между шѣмъ принуждена я была сносить двѣ потери, кои для меня шягосшны были. Перьвая, слабость Арюндели, кошорая перемѣнилась въ неиздѣльную болѣзнь. Вшорая, приключенїе, въ кошоромъ сія чувствительная душа имѣла равное учасшїе съ нами, и не попускала насъ ввергнуться въ отчаянїе.

Между прочими своенравїями, въ кои вдавалась сешпра моя, было и сіе,
что

что всегда хотѣла сидѣть на воздухѣ, не избирая ни время, ни погоды, ни представлений нашихъ не слушала. Для нее снѣгъ осенній и жаръ лѣтній равны. Служивши, кои имѣли при-
 смотрѣ за нею, не смѣли прекословить яко госпожѣ своей. Однажды вѣ очень холодную погоду сидѣла она нѣсколь-
 ко часовъ, падалъ на нее снѣгъ; отъ чего почувствовала она сильный знобъ, соединенный съ лихорадкою, коя ослабила ея нервы, и ознобила она у себя два перста. Таковая лихорадка значила опасныя слѣдствія; разумъ ея ослабѣлъ, а попомъ и помѣшался онъ такъ, что не могла узнавать и меня, и доискивалась, кто бы я была? Нѣкогда осматривала черты лица моего съ любопытствомъ; я видѣвъ такой преломъ болѣзни, употребляла все мое стараніе, дабы она не умножилась, и не покидала ее ни на малой часъ, ни днемъ, ни ночью; а припомъ возложила попеченіе и на Ладію Арюндель, коея состояніе было не столь опасно. Что же касалось до дочери моей,

пасалась я, чпобѣ бышь не исходно при шешкѣ, дабы не вложитъ воображенія въ ея молодое сердце. Я же бдѣла при ней многія ночи. Въ одну ночь при разсвѣтѣ открыла завѣсѣ у постели. . . . увидѣла, чпо нѣмѣ сеспры моей. . . . Разбудила всѣхъ приставницѣ; топчасѣ засвѣтили свѣчи, искали ея по всей комнашѣ, но впуниѣ. Ахѣ! можетѣ бышь, говоритѣ одна женщина, можетѣ спаться. . . . Выговоря сїи слова, увидѣла она отворену дверь, копорая была въ галлерейо украшенную нами картинами нашей фамилїи, между коими поставлена была картина Эсексова о взяшїи Кадикса. Сей роковый подарокѣ данѣ былѣ Элеонорѣ отѣ Лади Пемброки — Сердце мое предчувствовало бышь сему несчастью. Я сѣ шрепешомѣ побѣжала кѣ галлерейи. Увы! тогда меня самымѣ дѣломѣ обьялѣ страхѣ. Увидѣла я ту, копорая именовалась Элеонорейо, стоящу на колѣняхѣ, опершуся о стѣну, волосы встрепаны, сѣ разпростертыми руками, одною дер-

держащуся за плашье, а другою указывавшу на поршреть своего любовника. Я шепчасъ приложила свою къ ея груди, но нашла охладѣвшую, не имѣя движенія. Бѣдная сестра моя спустила послѣднее дыханіе, избѣгла своихъ напастей. Твое послѣднее изреченіе, о Эсексъ! подлинно было пророческое, что ея душа, избавясь смертныхъ непріязней, соединится съ тобою.

Я сдѣлала должное погребеніе дражайшему шѣлу сестры моей. Лади Арюндель слѣдовала за нею же вскорѣ. Я съ швердосшію духа сносила сіи двѣ пошери; но дочь моя рыдала о нихъ паче.

Конецъ пятой Части.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ,
или
МАТИЛЬДА.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Не безъ малой опасности я видала дѣйствія перьвыхъ впечатлѣній на младомъ сердцѣ моей дочери; но сіе не то значило, чтобъ я хотѣла совершенно умершвишь въ ней сильныя начертанія естественнаго упражненія. Слезы молодыхъ людей подобны плодоносному Майскому дождю, который обнадеживаешъ трудолюбца наградою за его труды; но когда падаетъ со излишествомъ, тогда приводитъ его труды во оскудѣніе, и распитъ терніе подавляющее его жашву.

Вспомнила я тогда тѣ мечтательные часы, въ которые мы очищали путь въ монастырѣ, чтобъ прі-
об-

обрѣсти новость, зашмишь нашу печаль, лишаешь нашей любезной пиппельницы въ лѣтахъ юности нашей. Преспектъ, содѣланный нами, казался намъ гораздо пріятнѣе, нежели самъ онъ въ себѣ. Сердце вянетъ на предметъ полюбившейся, не проникая будущаго, можно ли имъ впредь увеселяться. Свѣтъ не знаемъ былъ дочери моею; для того обратила она свои взоры на театръ натурою осмѣваемой. Но чпобъ се ушѣшишь, всхвалила ей я домъ Ришмондовъ на берегу Тимиса, и мы поѣхали туда въ началъ весны.

Нѣкоторое тайное движеніе чувствовала я въ себѣ, дабы опложити сіе разположеніе. Хопя жила я далеко отъ столицы, но слухъ о Принцѣ Гальскомъ дошелъ до меня. Сей молодой человекъ былъ по истиннѣ побѣдитель слабостей отца своего и предразсудковъ его званія; онъ предалъ свое сердце непорочности. Разумъ устремлялъ къ тому, чѣмъ можешь украшаться совершенный человекъ. Былъ

ис-

искусенъ въ воинскихъ дѣлахъ. Извѣ-
стия я , что онъ щипся возвыситъ
упадшаго Стуарта , возставитъ славу
пришѣсенному. Я нестерпѣливо желала
его видѣть паче попому , что есть оп-
расль Стуартова. Король недостойный
пакого сына ни мало имъ не веселился.
Изъ дѣтскихъ лѣтъ онъ его оставилъ.
Опредѣлилъ ему небольшой дворъ , и
окружали его такіе , кои конечно
могли бы его довести до пороковъ,
если бы онъ отъ природы не умѣлъ
се побѣждать. А притомъ сей моло-
дой Принцъ былъ одаренъ великимъ
разумомъ свыше его лѣтъ , и умѣлъ
обходиться учтиво , не повреждая че-
сти. Наблюдавъ онъ среди своего дво-
ра власть Монархическую. Еслии кто
былъ несчастію какому нибудь под-
верженъ , таковымъ дѣлалъ вспоможе-
ніе и разговаривалъ съ ними брагнеею
любовью. Таковъ былъ характеръ Прин-
ца, по сему обожали его въ Ришмондѣ.

Открылась весна и видѣнъ былъ
злакъ въ нашемъ жилищѣ. Слухъ, про-
шед-

шедшій о Принцовомъ прѣбываніи, нѣ-
что прѣмѣнное являлъ на чертахъ ли-
ца моей дочери, по сему и не опва-
жилась я съ дочерью моею говорить,
что ревностно желаю увидѣть Прин-
ца. Нѣжность молодой дѣвушки ощу-
щала въ себѣ нѣкакія предвозвѣстія.
Она упрашивала меня, дабы не иначе
выходили мы, какъ по утру рано,
или въечеру поздно, чтобъ не сой-
тишья съ Принцомъ, и надѣвала на
себя покрывало, закрывая свое спрой-
нось, чѣмъ мнила она оказывать се-
бя погруженную въ несчастіе, убѣ-
тающую всякаго зрѣнія, естъли кто
встрѣтитя съ нею.

Между тѣмъ сосѣдство Принцо-
во не согласовалось съ нашей прогул-
кою. Часно мы говаривали, забавлялся
ли чѣмъ онъ, или нѣтъ? А наипаче
дочь моя была любопытна знать о
его обстоятельствевахъ. Сего дня дава-
ны были феерверки, а другимъ вече-
ромъ гулянья по шамизѣ; а шаковымъ
веселіемъ мы весьма могли пользоваться;
и о мы могли бытъ у него навѣр-

ПО Подземелье,

ное. Иногда случалось близко его споль бывать, что думали мы, слышамъ его голосъ. Тогда мы удалялись съ многомысліемъ, паче же дочь моя; мы бы проводили и все лѣто, не увидя его, ешьли бы нечаянный случай не благопріятствовалъ нашему желанію.

По утру возвратились мы домой въ одной коляскѣ; понеже послѣ болѣзни я своей не могла ходить пѣша, ни ѣздить верхомъ. Кучеръ нашъ по обыкновенію остановился подъ горою прекрасною, которая была во владѣнїи Ришмондовъ. Тутъ мы увеселялись зря прїятныя преспективы. Услышали вдругъ близъ насъ трубящихъ въ охотничьи роги; сіе являло намъ, что Принцъ возвращается съ охоты. Дочь моя, впадши въ замѣшательство, принула кучера скорѣе ѣхать. Тотчасъ мы сѣли въ коляску; кучеръ ударилъ лошадей бичемъ легонько, они пошарашась поскакали прытко такъ, что издержать ихъ не было силы. Наскакали мы на рышвину; коляска о-
про-

прокинулась и выбросила насъ посреди дороги. Я едва не потеряла памяти отъ сильного удара, а дочь уже лишилась; страхъ о ней далъ мнѣ силу, увидѣла я ѣдущихъ охотниковъ. Но бывъ занята дочерью, въ ничто сіе обратила, намѣреваясь дать ей пощеч^{ку}; не примѣшила я того, что они насъ уже нѣсколько минутъ окружили. Услышавъ голоса ихъ оглянулась, и увидѣла у своей спороны молодыхъ людей украшенныхъ Орденами. Одинъ изъ нихъ имѣлъ прекрасную фигуру, другій нѣсколько женообразенъ, но пріятенъ. Я тотчасъ ихъ обозрѣла. Они мнѣ выговаривали нѣсколько единоголосно, а я имъ ошвѣщствовала также; но вниманіе ихъ и мое устремлялось на мою дочь. Сняла я съ нее капоръ, дабы ей пользоваться воздухомъ. И такъ сдѣлались открыты ея прекрасныя руки, волосы развѣались по плечамъ ея и шеи. Она лежала головою на моихъ колѣнахъ, по старанію спороныхъ и моему пріяла она свои чувства открывъ глаза, увидѣ-

ла двухъ господъ; тотчасъ явился румянецъ на ея лицѣ, казалось ошъ того, что ихъ увидѣла. Ухватила она меня и пала лицомъ на мою грудь. „Это Ангелъ, вскричалъ одинъ изъ шѣхъ. Государыня, продолжаетъ шощъ же, увѣдомьте меня, не наше ли присудствіе васъ беспокоитъ, но не было бы простиительно намъ, естли бы мннули сей несчастливый случай. Сіи слова значили, что надобно бытъ Гальскому Принцу, который говорилъ. Естлибъ я видала его на свободѣ, я бы сечла его прекраснѣйшимъ изъ Англичанъ. Онъ былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, непорочность казалась написана на чертахъ лица его. Я учтивымъ образомъ ему отвѣчала, однакожъ съ замѣшательствомъ; понеже вниманія мои обращала на свою дочь, усматривая въ ней премѣну. Марія нѣсколько подкрѣпилась; а они помогли ей встать и спарались, какъ бы дойши до нашего дому. Принцъ увидѣлъ, что съ трудомъ я ийти могла; подумалъ, что сіе произошло ошъ удара, и оказалъ свое

свое сожалѣніе; но я ему сказала, что по ошѣ другихъ припадковъ; тогда онѣ спросилъ о моемъ имени, но бысть можеть, что онѣ уже извѣщенъ: по просилъ позволенія меня проводить до дому, и подалъ мнѣ руку. Я приняла, а другой молодой Господинъ взялъ за руку дочь мою; узнала я попомѣ, что послѣдняго звали Виконнѣ Рохестеръ. Сей непопрѣбный былъ фаворитъ Королевскій: только и доиспосншва, что былъ хорошѣ; холодность явна была на его рожѣ. Когда же мы пришли въ домъ, я ему дала ясно понять, что впредь не потребую его визишовѣ.

Какою я была объята радостію, видя въ перьвый разъ попомка рода Стуартова. Принцѣ казался бысть радостенъ новому своему знакомству. Глаза Принцовы спремилась на мою дочь; она нѣжно отъ шого уклонялась. Все сіе, казалось мнѣ, раждаетъ спрость, которая едина будетъ наградою за мое злосраданіе.

Таковыя были начала нашего знакомства, кои попомъ превратились въ искренность возлюбить Принца, колико по его добродѣтели, толико по союзу крови; ибо я примѣшила, что онъ являетъ склонность къ моей дочери. Между тѣмъ по честности своей удалялся, не зная какъ еще къ тому приступить. Я попустила сіе дѣло пещь своимъ путемъ, спараясь вестъ себя благоприсстойно.

Знала я, что Принцъ живеть на границѣ окруженъ друзьями, коихъ весьма я опасалась, дабы на наше содружество не обратили они глазъ, а чтобъ имѣть къ тому предосторожность, то она въ тѣ часы, въ кои Принцъ обыкновенно посѣщаль, уѣзжала прогуливаться верхомъ. И такъ я его принимала почти всякой день, обходившись съ нимъ одна. Онъ оплакивалъ обще со мною, что оплаченъ отъ дѣтей Королевскихъ, будучи старшій сынъ, лишенъ своихъ преимуществъ, оплученъ изъ дѣтска отъ своихъ сродниковъ, окруженъ мошенниками и сре-

бро-

бродлюбцами, кои угождаютъ Королю, переводя ложь на его сына. И такъ онъ чуждъ сталъ своихъ родственниковъ, и право его обращено на другаго сына, когото они не опасались. „А я уловляеуъ сими злокозненными, примолвилъ онъ, дабы свергъ съ себя иго и умалилъ повиновеніе сыновнее; но съ сожалѣніемъ вижу шеперь связь, копорая существуетъ между мною и ошцомъ моимъ. Не удивляйтесь вы, продолжайте, естли вы будете разсуждать, что слѣдуетъ мнѣ царшвовать по рожденію съ ревностію для славы; но я уже заключилъ себя въ шѣсныя предѣлы своего двора; не имѣю разсудку и лишенъ моей молодости противу желанія, съ того времени, какъ безаконная Карра, взявъ деньги, вдалась въ любовь чужестранному Принцу, измѣня сыну своего Государя.

Когда любезный Принцъ Гальскій, народомъ обожаемый, наследникъ Государшвенный, мнѣ сказывалъ чистосердечно повѣсть и справедливую печаль
свою,

свою, которая зашмила блескъ своего существованія. Тогда можноль мнѣ было не имѣть вниманія о суднѣ, который нищего возвышаетъ и низвергаетъ первыхъ людей въ свѣтъ, наказуя ихъ несчастіемъ.

Сіе весьма неразумное въкорененіе во младости позволилъ въ свое сердце водвориться печали, кою должно всегда предавать забвенію и не обременять себя уныніемъ; я старалась выгнать въ Принцово сердце начала своихъ несчастныхъ приключеній, кои я терпѣніемъ пресодолѣла. Симъ великодушнымъ средствомъ мы доставляемъ себѣ благополучіе; представляла же ему наконецъ, что не долженъ онъ являть чувствованій заблужденныхъ отца его, а долженъ казаться примѣрнымъ человѣкомъ предъ людьми въ своихъ поведеніяхъ. Хоша сердце и будешь снѣдаемо печалію, но то ушѣшеніе, что оно невинно, и никто его ни въ чемъ укорить не можетъ. Таковымъ пушемъ слѣдуя не будешь имѣть опасности и препоны; а шѣмъ са-

самымъ привлечешъ къ себѣ въ любовь шаковыхъ людей, кои любящъ мирное житіе.

Принцъ сперва не весьма уважалъ сей послѣдній совѣтъ и оказанное чистосердечіе; содержаніе онаго ему казалось совѣтъ ново; а пріучился онъ слышавъ, что можешъ управляешъ другими, нежели бышъ въ подвластїи; а моя рѣчь была для него великая задача, кою ему никакъ не осмѣлялся внушавъ. Колико я жалѣла, что сія нѣжная душа изъ дѣтска оставлена и предана собственно своему разуму.

Принцъ безъ сомнѣнія примѣтилъ матернюю предосторожность, что оплучила я на то время свою дочь, когда онъ меня посѣщалъ. Сіе примѣчаніе причинило ему наконецъ нѣкакое вліяніе и удовольствіе видѣвъ ее, только какъ поѣдишъ куда, или прїѣдишъ откуда. Между тѣмъ впалъ онъ въ размышленїи, но коль скоро увидѣлъ часъ нашихъ разговоръ, зачиналъ рѣчь съ нѣкоторымъ смятенїемъ. Тутъ

видѣшь было можно, сколько его разумъ ра опашь, напрягаясь благоразуміемъ или наполняясь нѣжностію.

Я стыдилась начать разговоръ ему первый; но дочь моя жаловалась, что ее пріемлютъ всюду за предметъ; окружающіе и спрашиваютъ невѣжливо нѣкоторыя изъ служителей Принцова двора, отъ коихъ не льзя было ожидать благоприсойности. Въ нѣкоторый день выхаживала я съ нею и примѣшила, что подлинно такъ случилось. Разполагалась по сему лучше лишиться Принцова посѣщенія, нежели подвергнушь дочь мою какому либо нареканію; не велѣла я ей выѣзжать изъ покоевъ нѣсколько времени. По семъ какъ Принцъ пріѣхалъ къ намъ, я вошла къ нему съ нѣкоторымъ объясненіемъ, дабы упредить его, что дочь моя дома; я сдѣлала ему личное привѣтствіе, но съ такимъ чувствованіемъ, что я дочь мою удаляю для того, дабы избавить ее отъ порицанія. Великодушный Генрихъ нѣсколько изумился; потомъ началъ го-

воришь мнѣ: извини меня въ моихъ по-
сѣщеніяхъ, можешь оныя тебѣ наносятъ
скуку, отъ которыхъ я ожидалъ вза-
имности. Удостои выслушать приклю-
ченіе особенное въ жизни моей: жилъ я
съ ребячества между прелестныхъ жен-
щинъ; наконецъ спали говоришь, что
должно мнѣ жениться. Между семи
красавицами обратилъ я склонность къ
одной; но какая вскорѣ открылась раз-
ность. Красавица, которую, мнилъ я,
что сосланишь мое спокойствіе, вер-
гла бы меня въ опасность; а можешь
быть и погубила бы меня, еслибы
сія женщина не открылась глазамъ мо-
имъ, какова она есть. Я не имѣю нуж-
ды сказывать, кто сія прелестница,
однакожь была по Графиня Де, которая
уже щеславилась мною, и всей пуб-
ликѣ рассказала, отъ чего я стыдиль-
ся принужденъ былъ. Но дабы не быть
мнѣ долго въ моемъ стыдѣ, то я по-
ложилъ мое намѣреніе изпребить ее
изъ моего сердца. Жестокая имѣвъ ху-
дое намѣреніе, оставила меня въ моемъ
намѣреніи, влюбясь въ Виконта Роше-

спера: тогда уже ясно открылось, что она меня не любила. Ослѣпленный красотою сей женщины, Фаворитъ слабый и сластолюбивый попустилъ себя угождать всему ея своенравію. За шѣмъ прошу вашего позволѣнія предложить мою руку любезной дочери, коея видѣ обитаетъ въ моемъ сердцѣ. Опвѣчай, милоспивая государыня! счастье мое опѣ тебя зависишь: можешь ли ты на сіе опважиться? Выслушавъ чистосердечное признаніе Принцова, мое сердце наспоило въ томъ, чшобъ его усыновить.

Дабы запечатлѣть общую между нами довѣренность и доказать Принцу на сей разѣ выборѣ блаторазумный, открыла ему свою шайну, копорую скрывала долгое время. Разказала ему всю мою исторію и примѣшила, что онѣ вшолѣ въ великое сожалѣніе.

Съ радостію слушалъ онѣ таковой равный союзѣ; но дабы удостоверить его въ самомъ дѣлѣ, я предложила ему на мои шишулы свидѣтель-

пельства письменныя своего произхожденія; чиналъ онъ со вниманіемъ. По семъ возрѣвъ на меня, далъ вольное стремленіе своему сердцу. Кто бы повѣрилъ, говорилъ онъ, что вы будучи нѣжнаго сложенія, превозмогли столь бодрственно свои злополучія? Сїи ваши несчастія будутъ впечатлѣны въ моемъ сердцѣ. О! мать моя! они суть послѣднія въ вашей жизни. Попыщусь я вамъ возврапиль все, чего вы лишились; за шѣмъ онъ обнялъ меня руками съ прїязнїю. Подвела его я къ дочери. Онъ поцѣловалъ руку; а я ихъ обѣихъ обнявъ прижимала къ своей груди.

Поступокъ сей намъ съ обѣихъ споронъ былъ прїятенъ. Генрихъ обходился со мною аки сынъ, опзываясь, чпобъ содержатъ начало наше въ тайнѣ, и не навести никакого подозрѣнїя, умалчивая и о моемъ рожденїи до того времени, когда онъ разсудилъ по обстоятельству явить то публикѣ; за шѣмъ просилъ онъ позволенїя ходити къ намъ по вечерамъ. И такъ

мы разположились имѣть крѣпкую оспорожностъ. Онѣ еще просилъ употребить къ тому въ повѣренность Сира Давида Мюроя, его пріятеля испытаннаго въ вѣрности между нами. И такъ чрезъ его всякія пересылки непременно не извѣсны будутъ.

Новое желаніе обратило меня къ свѣденію двора. Хотѣлось мнѣ видѣть и узнать самый Королевскій характеръ, Королеву и Винконпа Рошестера и прочихъ, кои могутъ прошивляться нашему положенію. Увидѣла, что вся Королевская фамилія въ раздѣленіи, и что властолюбивая Королева не могла отврашнить Короля отъ его любимцевъ, ниже ихъ сына обратиться къ своей должности. Король Іаковъ везшедшій на Англинскій престолъ подѣ счастливою планетою шакъ, что никакой Монархъ не могъ долговременно править и не лишиться любви народа. Педанты, шушы, около его наиболѣе обращались, когда онѣ представитъ себя величавымъ. Вручилъ Государственное правленіе своимъ любим-

бим-

бимцамъ , довольствуясь самъ зависимо-
стїю поштыдною. Люди ученые и
разумные , и всякаго рода достойные ,
единѣ по единому ошѣ двора еще уда-
лялись, видя Короля безразсудна и Ми-
нисстровѣ неприлѣжныхъ , и надѣясь
на крошесць молодаго Принца , кото-
рый можетъ возставиць славу своихъ
предковѣ и своему Государству , на
которомъ онѣ будетъ царствовать. Го-
сударь вѣ осьмнатцашъ лѣшѣ досто-
инѣ посрамиць замашерѣвшїя лѣша сво-
его ошца; шакото было мнѣнїя о немѣ
все Государство:

Такая была цѣль Генрихова , что
онѣ женившись на дочери моей, избѣ-
нешѣ опасныхъ намѣренїй Рохестеро-
выхъ. Когда узналъ всю мою исторїю,
тогда мнилъ онѣ, что шакотая супру-
га опредѣлена ему судьбою. Хотя о-
тецъ его и будетъ сопротивляшся
истиннѣ; но былъ благонадеженѣ увѣ-
риць народѣ о моемъ произхожденїи.

Однакожѣ благополучїе наше за-
висило ошѣ единой скромности, кото-

рую должно имѣть дѣтолѣ, пока мѣспѣ не свершится нашъ союзъ; а прежде того еспѣли увѣдано будетъ, тогда всѣ препоны употребяшъ насъ разлучить.

Въ семѣ прерывѣ примѣтила я въ дочери, что излишняя спыдливость премѣнила въ ней всю ея веселость. Когда ей должно было ушѣщаться, тогда видѣла въ ней волненіе и печаль. Желала бы я, чтобъ жена младаго Генриха предстала безъ всякаго предосужденія. Опасалась я, что не робость ли ея сердцемъ обладаетъ, что мужъ ея пренебрегать будетъ. Того ради на сей случай давала ей совѣшъ убѣдительный, который произвелъ въ моей дочери оспорожность въ мое при-судствіе.

Случилось сіе во время осени, въ кошорую Король путешествовалъ и Принцъ долженъ былъ также путешествовать съ нимъ; препроводя съ нами сущки, поѣхалъ къ ошцу своему въ Водсшоккъ, откуда писалъ ко мнѣ жалуясь на свою усталость. Увѣдо-
млялъ

мляль шакже, что онъ принужденъ
ѣхашь въ замокъ Кенильфоршъ, чѣмъ
льсшился меня увеселишь.

Возвратъ его къ намъ въ столь
малое время поразилъ меня чрезмѣрно,
касательнo до его фигуры. Онъ сдѣ-
лался худъ и блѣденъ; колику ра-
досшь ни оказывалъ свидѣвшись съ
нами, но не могъ увѣришь въ своемъ
благополучіи. Я ему оказывала замѣ-
чанія, коиъ онъ осперетался, дабы
я его о томъ не спросила; я видѣ-
ла, что дочь моя симъ была пораже-
на, и хотя она молчала, однако я
замѣтила, что она плачешъ наединѣ.

Тогдашній вечеръ былъ коротокъ,
шо и желала я, дабы Принцъ постѣ-
пилъ насъ поутру. Умаляющееся его
здоровье день отъ дня намъ чувстви-
тельнѣ спаногилось; на глазахъ его
являлась самая шомность, кои предѣ-
шѣмъ были исполнены огня. Щеки впа-
ли и побатрѣли; но по недолгомъ вре-
мени открылось, что онъ боленъ. Со-
жалѣла я, что нѣкому о немъ прилѣ-

жашь, кромѣ лакеевъ. Нѣтъ матери! нѣтъ сестры! должности неопытныя и челоуѣколюбныя не соотвѣтствуютъ съ Царскимъ достоинствомъ отца его и матери.

Хотя онъ увѣрялъ меня, что болѣзнь его не опасна и не сходствуетъ съ его видомъ; почему онъ не преспавалъ продолжашь свои эксерцици, подкрѣпляя себя сколько могъ. Пришомъ увѣрялъ меня прилѣжашь рачительно о премѣнѣ состоянїя по опсудствїи его сестры и Курфиспра, съ которымъ она вскорѣ сочешается бракомъ; почему я обязанъ скоро ѣхашь на свадьбу въ Лондонъ. И пакъ прїѣхалъ со мною проститься; обѣмля меня залился слезами. Въ такомъ положенїи увидѣла я его въ первый разъ. Дочь моя тогда была въ опсудствїи; нѣсколько минушъ былъ онъ въ задумчивости; потомъ принявъ пришворный видъ сказалъ: она въ опсудствїи. . . . Но я счашливъ ея опсудствїемъ; между шѣмъ окончавъ сіе вздохомъ, залился слезами.

Машушка, говоришь онъ голосомъ прерывающимся, не плачь; болѣзнь меня удручающая не смертельна. Повѣрь мнѣ, что я желаю жить для тебя единой; уже наскучилъ сей свѣтъ. Я лишился бы его безвѣчно, если бы не мыслилъ о семъ, koliko то чувствительно будешь: но кто можетъ проникнуть судьбы Неисповѣдимаго? Можно ли исполнить всѣ ваши желанія, не сдѣлавши васъ счастливыми? . . . Можно ли напрошивъ свершиться тому, чтобъ не претерпѣть какого либо несчастія? Припомнишь прошу о томъ времени, въ которое ты говорилъ такъ. Припомните же и о семъ, что имя ваше начертано на моихъ устахъ, что противъ воли выговорить принужденъ былъ, которую душа моя обожаетъ! . . . Но когда не могу наслаждаться симъ въ сей жизни, то можешь быть наследую въ будущей. Потомъ примѣшила я, что онъ прилѣжно смотритъ на портретъ дочери моей, повѣшенной у меня на шеѣ, и обращаясь съ наполненными слезъ глазами,

зани, взялъ его. Увы! говорю ему я, не забудь, любезный Генрихъ, что вручившая тебѣ поршреть даритъ тебя шѣмъ, чего она дражайше не имѣетъ, поручаетъ тебѣ жену добродѣтельную и любезную. Береги свое здоровье; швоя жизнь, швое благополучіе касается не до одного тебѣ. Весь народъ проситъ Бога соблюсти швою жизнь, пекшуюся о ихъ благоденствіи; а я ничего такъ не желаю, какъ видѣть сочепавшагося съ любезной моею Марією: но конечно я не доживу до сего времени, и сей радости лишуся. Принцъ возрѣлъ на меня смятенно, и не знала я чему приписать его смущеніе. Поцѣловалъ мою руку онъ съ робостью, и потчасъ пошелъ изъ залы. Любезный молодой человекъ поклонился мнѣ въ послѣдній разъ и поѣхалъ впрышъ. Я провожала его зрѣніемъ, доколъ можно; но когда ошѣхалъ онъ, разсуждать спала о словахъ его, кои онъ выговаривалъ: она въ ошсудствіи! я радуюсь тому; наконецъ узнала я его изрѣченія сплу.

На другой день Генрихъ писалъ ко мнѣ, что онъ находится въ лучшемъ состоянїи, и что занимается супружесвомъ сеспры своей; а какъ онъ присуствовалъ во все ихъ шоржесво, онъ чего и впалъ въ опасное изнеможенїе. Сїе меня сугубо опечалило, и старалась, коль можно, хранишь сїю печаль онъ дочери, дабы не доведши ее до опчаянїя; но при всемъ моемъ приговорствѣ видѣла дочь мою въ великой печали.

Нѣсколько дней и ночей препроводили мы въ неизвѣстности и печали. Мюрай, сей вѣрный другъ, о которомъ мы выше упоминали, увѣдомлялъ насъ, что лихорадка силу свою производила съ великою свирѣпостью, и былъ онъ одержимъ безпамятствомъ; а когда приходилъ въ память, тогда упоминалъ имена наши. Мюрай же увѣдомлялъ, что Принцъ ничѣмъ такъ не опягощенъ, какъ насъ помнишь: объ этомъ и Король знаетъ, и что онъ въ тайнѣ спрашивалъ о семъ и друзей сыновнихъ, а между тѣмъ и его; по-
че-

чему такая привязанность его къ намъ была, кою онъ за странную прїемлетъ. Я чаю, Государыня, примолвляетъ Мюрай, что не можно утаишь сіе дѣло, и не могу сказать, поселилось ли въ сердцѣ Королевскомъ какое подозрѣніе или нѣшъ, что онъ отъ насъ слышелъ.

По сему мы должны были ждать важныхъ поисковъ со стороны Королевской, вскричала я, схватя свою дочь и прижавъ къ своей груди; есльи его сынъ произвелъ, то къ чему уже годна его къ намъ прїязнь не навѣспишь насъ.

Въ другомъ письмѣ Мюрай пишетъ: мужайся Государыня противу неизбежнаго несчастія; можетъ быть сіе письмо къ вамъ не дойдетъ. Англія лишится украшенія, а друзья Генриховы своя надежды; самые художники въ опчаяніи. Вдругъ пришелъ онъ въ память, велѣлъ онъ сжечь всѣ письма, въ которыхъ имена ваши упоминаются. Увы! онъ въ недоумѣніи, и едва могъ начертать свое дражайшее
имя

имя „Принцъ „ Во всю ночь упоминалъ себя и свою любезную дочь. Нѣтъ! не подходите близъ. Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!

Въ три часа еще послѣдовала чрезвычайность. Государыня! мы опчаянны. . . . Онъ лишился словъ. Съ великимъ усиленіемъ подозвалъ онъ меня къ кровати, и едва я могъ разумѣть, что онъ называетъ Франція. Можетъ быть опъ заблужденія моего пріемлю я сіе слово касающимся до васъ. Король и Докторы вышли вонъ. Душа его мирно, лилась сего свѣта, преселилась въ вѣчное блаженство.

Едва могли еще прочитавъ первое письмо, какъ и другое получили. „ Всею конецъ, Государыня. Принца уже нѣтъ; печаль и слезы не дозволяютъ мнѣ писать больше. „

Запершись я съ дочерью въ одинъ уголъ нашего дому, плакала горько; надѣла на себя печальное платье. Когда же вспомнили его послѣднія слова, признавали его въ томъ разумѣ, что должно намъ выѣхать изъ нашего отечес-

чества. И хотя разположились такъ , однакожъ я разсудила еще въ Англии прожить нѣсколько времени , дабы не сочли насъ за изгнанцевъ изъ отечества. Какъ долго ошъ Мюрая никакого свѣденія не имѣли , то и нашла я способъ послать къ нему богатый перстень въ знакъ благодарности за великодушное прилѣжаніе къ Принцу и къ намъ. Еще же просила , яко послѣдняго его опыта дружбы , возвратишь портретъ дочери моей , коюрой я дала Принцу при послѣднемъ съ нимъ свиданіи.

Отвѣщъ Мюраевъ меня попревожилъ и въ содраганіе привелъ. Намѣреніе швое , Государыня , Англию оставишь , свободила меня смяшенія . . . Портретъ , я надѣюсь , пошерявъ ; не могъ я его ни прозьбою , ни обязаніями ошыскашь , и думаю , что его нѣшъ сдѣсь ; а ешъли домогусь , будь увѣрена , что вѣрно присланъ будетъ ошъ желающаго вамъ благополучія.

Сіе невнятное письмо запмило мою мысль ; почему мое намѣреніе вы-
ѣхашъ

ѣхать изъ Королевства, освобождаетъ его разумъ отъ смятенія. Почто онъ того желалъ поспѣшно? Развѣ пѣмъ щеславившся, что я слѣдую его совѣшу; но нынѣ я уже не буду имѣть шакова подвига. Какая тайна? . . . Велѣла я приготопляться къ отбѣзду, и все положить по своимъ мѣстамъ. Наконецъ перемѣнила свое намѣреніе, возмнила сопрошивляться бурѣ лучше, нежели слыть бѣглянкою. Тотчасъ я сообщила о семъ Сирю Мюраю, пребуя отъ него извѣстія. Чего ради онъ нудилъ меня ѣхать такъ скоро, не написавъ причины; но отвѣщъ его еще и паче ввелъ меня въ смущеніе. . . . На письмѣ я сообщанъ о семъ никому не повѣрю. . . . Можешель сего дня принять меня въ полночь? На опвагу въ сіи часы буду я у дверей вашихъ; но прикажи меня проводить человѣку тебѣ вѣрному, да и которой бы сношенія между мною и побою не вѣдалъ; ибо сіе стоилъ твоей и моей жизни.

Какъ онъ воспалилъ мой духъ симъ непоняшнымъ письмомъ! Унижу я себя свиданіемъ пошачнымъ! я подвергаюсь порицанію! опасность мнѣ не извѣстная меня не пронетъ. Только я была нечувствительна ко оклеветанію. И такъ не хошѣла я видѣться съ Мюраемъ, и намѣрилась попустить несчастью, коимъ онъ меня угрожаетъ дѣйствовать самому по себѣ; но любовь къ дочери прервала мою гордость, и внимала я гласу благоразумія, изготовилась принять Мюрая къ себѣ.

Мой разумъ исполненный безпокойства былъ движимъ миліонами догадокъ; но не могъ основаться ни на единой. Представлялось мнѣ, что всѣхъ предоспорожностей Генриховыхъ не доставало, и что Король свѣдалъ, нашедъ нѣкоторое пошерянное имъ письмо о привязанности къ намъ его сына; еще другая мысль мечталась мнѣ, что не довѣдался ли онъ отъ кого о нашемъ рожденіи. И такъ я ошятощалась догадками; съ нешерпѣннѣ-

нїемъ дожидалась того часа, который назначилъ мнѣ Мюрай.

Я разсудила ни о чемъ не ска-
зывать дочери своей. Но какъ я опа-
салась, чѣмъ не примѣшила она сму-
щенія написаннаго на лицѣ моемъ, по
и сказала ей, что болитъ весьма го-
лова, и что ничѣмъ мнѣ болѣзнь об-
легчить не можно, какъ сномъ, да и
послала къ ней книгу, которую ей
хотѣлось, съ шѣмъ, чѣмъ она поз-
дно ее не читала.

О свѣшъ! какія чувствованія ты
объемлешь въ своемъ обитающемъ кру-
гѣ ложныя! Натура положила, чѣмъ
стыдъ былъ за грѣхи въ наказаніе;
но привычка, пресолѣвъ сіе, зашла.
И такъ онъ бываетъ вождь добродѣ-
тели. По сему разсмапривала я себя,
какое я содѣлала преступленіе? или
поелику человекъ не можетъ быть не
подвергнутъ какому либо паденію. Въ
семъ обспоятельствѣ потребна мнѣ бы-
ла помощь, дабы побѣдиль мои чув-
ствованія прошивъ моей воли.

Почтенный Мюрай примѣшилъ мое смяшеніе, послушалъ вѣжливо прошивъ моей нѣжности. Капились у меня и у него слезы по лицу, когда онъ описывалъ чрезвычайную Принцову болѣзнь, и представлялъ разсужденія Докшорскія, что ошравленъ ядомъ. Такое мнѣніе произвело въ душѣ моей смяшеніе. . . . Ахъ! Государыця, позволя мнѣ умолчать на минушу, дабы восхвалишь Божіе милосердіе; оно едино даровало мнѣ силу сей ударъ снести! . . . Я смотрѣла на Мюрая со вниманіемъ, не говоря ни слова. Болѣзнь, гнѣвъ, стыдъ, раздирали мое сердце.

Просила я Мюрая, дабы онъ далъ знать, кто содѣлалъ такого беззаконнаго поношенія. Онъ мнѣ отвѣчалъ: послѣ разсужденія о смерти Принцовой Королева утверждалась на словахъ шѣхъ, кои разглашали о его ошравѣ. Такое подозрѣніе принято было на служителей Принцовыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, бывъ малодушнѣе, бѣжали изъ своего отечества; почему и произведенъ
былъ

былъ поискъ судебнымъ порядкомъ : напрошиву того Король настоялъ , что ему смерть приключилась по напурѣ . Однакожь шумъ сей не утихалъ ни мало , и возгремѣлъ неудобопонятно падъ на мой щепъ . Народъ пошому наипаче утверждалъ на меня , что онъ будучи въ безпамятствѣ упоминалъ о моемъ имени ; еще же ко обвиненію моему было , что онъ , будучи въ оспорожності , велѣлъ сжечь бумаги будпо для того , что не хотѣлъ отличить виновника его смерти ; а сіе учинено было по наущенію . Едва не повлекли меня къ суду , и не разтерзали шѣло мое на части . Король утверждая общее мнѣніе , доискивался причины ; почему сынъ его часто посѣщалъ меня ? но никто не могъ удовольствоваться таковому любопытству . Многіе его любимцы предспавляли , дабы предать меня суду ; се-го мнѣнія держалась и Королева . Въ сію самую тревогу Мюрай получилъ мое письмо , коимъ я увѣдомляла , что намѣреваюсь удалиться въ Голландію ;

думалъ онъ, что я извѣстна о его приключеніи, то и понуждалъ меня, дабы я ѣхала немедленно. Мюрай кончилъ свою рѣчь тѣмъ, что благовѣра-зумнѣе мнѣ будетъ держаться прежняго мнѣнія.

Тогда, какъ Мюрай говорилъ, казалось мнѣ, что я въ иномъ свѣтѣ. Вижу адъ опверстѣ подъ ногами моими; злодѣянія шакового ктобъ былъ виновникъ споль хладокровный, споль жестокой? Какъ его узнать? Я никому изъ живущихъ не сдѣлала никакой обиды; почтожъ меня ненавидѣтъ? Приснула я къ спезѣ смѣлости. Ты пришелъ меня только посмотрѣтъ, Сирѣ Мюрай, ему говорю я, не зная еще меня совершенно; содратаюсь о злодѣяннѣи, коимъ ты оклевешанъ, какъ ска-зывается; но я выѣду изъ Королевства какъ уличенная. Нѣтъ! невинность обратится въ предосужденіе по причинѣ моего опсудствія, и тѣмъ опвергну себя безчестію, и приметъ нареканіе моя дочь: непорочность безъ порицанія единъ есть остатокъ счастья

спія ея, копорую я наблюдать должна. Цѣню сей даръ благословенный свыше всѣхъ сокровищъ на земли; хотя на великую онвагу пущаюсь, но хочу видѣшь Короля. Духъ Генриховъ вѣщаешъ, что я оправдаю свою невинность: другаго способа я не нахожу. И такъ возьми пы, любезный Мюрай, опъ меня письмо къ Милорду Рошесперу, чтобъ онъ испросилъ дозволеніе предстать мнѣ предъ Короля наединѣ.

Сразило удивленіе Мюрая; не зналъ онъ, что онвѣчать. Мнилъ, что заблужденіе ума вложило мнѣ мысль споль сумозбродную; но наконецъ онъ согласился взять письмо. На другой день рано я написала къ Лорду Рошесперу и дала Мюраю; онъ выходилъ опъ меня съ великою оспорожностію.

Одна говорю я въ себѣ: увы! я ничего не сдѣлала; чего нѣтъ для меня въ свѣшъ милѣе, шо со мною. Пребывала въ ожиданіи рѣшишельнаго часа. Сей часъ на долго оплатался, и еще

УДВО-

удвоилъ мое опчаяніе, думая, что шайна моя какимъ либо образомъ вышла наружу. Въ семь мѣнѣи пребыла я долго. Чувствованій брашлюбезныхъ отъ Короля я не ожидала; отъказъ его произведетъ несносное огорченіе въ моей жизни. Единымъ дуновеніемъ иссушитъ онъ прозябающій цвѣтъ, который я съ великимъ трудомъ растила. Какъ снесшь такое воображеніе?

Ночь всю я была безпокойна, изыскивая причины, дабы безпечальну отдалить мою дочь, доколѣ минетъ мое разположеніе. Отпустила я ее на сущки къ одной сосѣдкѣ, которая ее позвала къ себѣ. Едва она выѣхала, какъ курьеръ присланъ съ вѣстью, что Графъ Сумерсетъ будетъ ко мнѣ на посѣщеніе послѣ полудня.

Пріѣхалъ онъ пышно такъ, какъ иногда Принцъ Ёжжалъ; предлагалъ мнѣ свои услуги, домогался преклонить мое сердце леспію: но я, сколько можно, политически отъ того убѣгла, дабы умалчивашь о моей клеветѣ

и цѣли до Короля касающей; благодарила его, что онѣ хочеть сіе доставить, внутренно же стыдилась, что я должна просить столь ничтожнаго предводителя. Хотя онѣ былъ прекрасенъ и съ нѣкоторымъ образованіемъ печали и любопытства, но я не могла на того полагаться, кого Принцъ презиралъ. И такъ Графъ разпрощался съ почтеніемъ, повторяя мнѣ еще свои услуги, и увѣрилъ, что я буду представлена Королю на утро рано.

Какъ обѣщенная аудіенція не должна быть публична, то я и ни мало не старалась о своемъ нарядѣ; прилѣжала одѣться такимъ же образомъ, какъ покойная мать моя одѣвалась обыкновенно, а сіе для того, дабы признана была по сходству лицъ нашихъ ей подобною. Тысячи припоминаній вкоренялись въ мою душу. Проходила я покоями, кои мнѣ знакомы были; пришла къ Королевскому кабинету. Соммерсетъ подшолъ ко мнѣ возвѣсивъ и подалъ мнѣ руку; я ужасалась . . .

я дрожала. . . . я оприцалась. . . .
Ошерши слезы приняла руку любимца.
Видъ благородный не приличенъ былъ,
дабы явишься предъ Короля, а шѣмъ
бы не ввестъ его въ сомнѣніе; а въ
сей день казался еще и паче обыкно-
венія сомнишелемъ, увидѣвъ меня не
хотѣлъ онъ покинуть не выслушавъ.
Кликнулъ Соммерсета, который пог-
да вышелъ вонъ. Я приклонила колѣно,
слѣдуя обыкновенію; онъ меня под-
нялъ поддерживая своей рукою, кою
мнѣ подалъ. Воззрѣла на него я. Ваше
Величество, говорила ему я: всеконеч-
но видите предъ собою челобитчицу,
предстоящую со стыдомъ, просящую
вашей прошектіи; но естлибъ не
шѣмъ нудима была, не имѣла бы дер-
зости предшати предъ Вами. Предла-
гаю дражайшія пишла, кои до сего
часа Вамъ не были извѣстны, да и
время не позволяло. О Государь! при-
молвила я, проливъ слезы: Ваше возчув-
ствуешь сердце сходство сихъ черпъ,
. . . Сей голосъ. . . . рука сія, копо-
рая объемлетъ съ брашною любовію
Ва-

Вашу въ первый разъ. Король содрогнулся, и пошатнулся мало являя себя, что сіе ему не пріятно, сумнился, спарался опнять свою руку, копорую я крѣпко держала, цѣловала ее обливая слезами. Не удаляйшесь, не оскорбляйте меня; хощя Вамъ я не знакома, со изрѣченіемъ унылымъ говорила я. Ни опъ гордости, ни опъ тщеславія и суешностей предстою предъ Вами, но для единого секретна, копорый я долговременно хранила по смерти Августѣйшей нашей мапери. Я васъ умоляю выслушайте и вѣрите: Рождена я во шмѣ, воспитана въ пустынѣ. Цѣль изъ дѣтскихъ лѣтъ моихъ была несчастіе. Обищаетъ долговременно спраждающая душа моя въ напастяхъ; также кровь, копорая оживляетъ Васъ въ сію минушу, кипитъ и во мнѣ. . . . Стѣсняетъ меня предстать Вамъ бывъ невинною, не только предъ людьми докажу себя, но и предъ Богомъ. Не думайте, чтообъ права, о коихъ я доносила, были основаны на моемъ объявленіи единомъ.

Ваше Величество, видите сіи бумаги древняго свидѣтельства, кои суть не оспоримо писаны Вашемою Августѣйшею маперью, также Серпифокашы, засвидѣтельствованныя знашными людьми. Удоспойте ихъ Вашего вниманія храня судъ и милость; за симъ слезы задушили меня. Король зрѣлъ на меня не рѣшимо и безпокойно. Велѣлъ хладнокровно, чтобъ я вышла въ переднюю комнату; я увидѣла Коммерсета, который видя меня объемлему обморочкомъ, велѣлъ принесть воды и соли, и стоялъ подлѣ меня такъ, аки хотѣлось ему доказать свою мнѣ услугу. Между тѣмъ духъ мой облегчался отъ прошедшаго и я опомнилась.

Не мѣшали мнѣ замѣшить благосклоннаго поступка со мною Коммерсета, который онъ при семъ случаѣ оказалъ, хотя занималась я вслушиваясь въ Королевскіе поступки. Онъ бѣгалъ неровными шагами по кабинету. Наконецъ Коммерсетъ отворилъ дверь, и далъ мнѣ знакъ, чтобъ я вошла. Онъ подшелъ ко мнѣ съ видомъ при-

привѣшлывымъ; взялъ меня за руку, поцѣловалъ въ щеку. „Ободришь, государыня, говорилъ мнѣ: хотя со удивленіемъ пріемлю незапное швое доказательство и опкровенность, но въ память и почтеніе покойной матери нашей должно мнѣ признать тебя за ея дочь; чего и истинна пребуешь.

Симъ оцѣпенѣніе мое преврапилось вдругъ въ прежнее положеніе. Бышь признанною за сестру его и дочь Маріину, въ первой разѣ въ жизни нахожу себѣ счастье. Душа моя наслаждается сладкимъ упованіемъ. Сіе счастье заглаждало въ вѣкѣ моемъ всѣ злосраданія мои. Тысячи исходили изъ устъ моихъ восхищительныхъ изрѣченій. Бросилась я въ первой разѣ въ руки брашніа, не думая, что онъ Король. Лицемѣръ прошивное чувствовалъ, будучи не столь чистосердеченъ, и не имѣя толкаго порадованія. Хотя бы я явныхъ свидѣтельствъ не имѣла моего рожденія, по единные бы вздохи мои могли его привести во увѣреніе.

Король сѣлъ подлѣ меня, переверчивалъ листы бумагъ, кои еще держалъ въ рукахъ, и спрашивалъ, что ему казалось не внятно и сомнительно; а я испросила позволенія рассказать мои приключенія, говоря, что вся надежда на него одинаго. „Я слышалъ, говоришь онъ, великую похвалу о швоей дочери, что она красавица; для чего ты ее держишь въ заключеніи? „Я объясняла разными видами, на коихъ онъ и ушверждался. Не требую больше, сказалъ Король, перебивъ рѣчь мою: ясно вижу, что ты кроешь ее отъ публики; а когда бы ты открылась мнѣ прежде, шѣмъ бы составила мнѣ удовольствіе, а ей благополучіе. Я не былъ бы обьяшъ несчастливимъ приключеніемъ. Чего я лишился. . . . За симъ шяжко вздохнулъ, не говоря ни слова о своемъ сынѣ.

Пріянно мнѣ было его чистосердечіе. Внутренно я себя ругала, что повѣрила ложному слуху о немъ, не испытавъ прежде его ствойства собою. Разговоръ между нами продолжался

ся долго. По нѣкопорымъ его изрѣченіямъ познавала я, что онъ онаеяся Королевы и своего фаворита, да припомъ скрывается и отъ народа, дабы не произвешъ ропосу, что мать его была супругою Герцога Норфольда. Въ семъ оспановился разсужденіи, дабы лично не могло что коснушья до его особы. Я же думала, что довольно и того, что онъ пріемлетъ меня за сестру свою. Прочее же предоспавляла на его благородное положеніе, увѣряя, что перьвое мое желаніе состояло въ томъ, дабы себя оправдашъ предъ нимъ; далѣе же предаюсъ его воли: понеже я была удалена общежительства, не имѣла никакого пріятеля, кому бы я могла жершвовашъ симъ, и вѣришь бы сію важную тайну, и никто о семъ не свѣдомъ кромѣ дочери моей, меня и его. Король мнѣ ошвѣчалъ, что къ сему благородному разположенію пріумножитъ и онъ свое благоволеніе; но онъ осплаталъ свое признаніе, дабы согласишь къ тому другихъ; но при-

помѣ говорилъ , что онѣ неперпѣливо видѣшь желаетъ мою дочь , о которой многожды слыхалъ , и что онѣ будетъ самъ завтра въ домѣ Графа Соммерсета , откуда и пришлетъ онѣ за нами карету , дабы предъявишь публикѣ о рожденіи нашемъ и супружествѣ нашей матери съ Норфольдомъ ; по семъ радостно приметъ мѣры премѣнишь мое положеніе , дабы я забыла свою горестъ.

Я уже забыла ихъ ; съ симъ опеклянившись ему , простилаь , засвидѣтельствуя чувствительную мою благодарность ; желала я съ неперпѣливемъ , чшобъ сообщить своей любезной Маріи сію счастливую повѣсть . Король мнѣ не отдалъ моихъ бумагъ ; я чаяла , что онѣ у себя удержатъ за-благоразсудилъ для разсмотрѣнія и объясненія .

Возвратилась я тотчасъ въ Ричмондъ и сообщила все подробно дочери , прижимала ее къ своему сердцу . Она дѣлила со мною всѣ свои чувствованія , и симъ сугубую радость во мнѣ

ум-

умножила. Попомъ спѣшила со увеселеніемъ видѣшь, какъ я ее снаряжать буду для завтрашняго предсавленія, зная, что Король спрасно любитъ наружность; а мнѣ по сполло великаго труда, чтобъ нарядъ сдѣлать еродной ея красотѣ. Еспьли ей одѣтъся въ шрауръ, шѣмъ возобновлю въ Королѣ печальное воспоминовеніе; и такъ разсудилось мнѣ печальное одѣяніе смѣшать съ наряднымъ по моему вкусу: надѣла я на нее родъ шнурованья изъ чернаго бархата, которъ былъ по модѣ Французской. Боршъ убранъ городами богатымъ кружевомъ, дабы стройность ея шѣла отъ груди въ своемъ положеніи предсавлялась; юбка изъ бѣлаго апласа обложена серебряною бахрамою, поверхъ шой изъ серебряной кисей другая полная; рукава изъ шой же серебряной кисей перевязаны лентами съ драгоценными камнями даже до локтя. Руки опкрыты отъ локтя до кистей, кон также перевязаны были бреслешами. Густые ея волосы падали буклями до самаго

пояса; а дабы не означило ничего при-
творнаго, надѣша на головѣ шляпа изъ
бѣлаго апласа и обшита узкою черною
бахрамою и вложеннымъ плюмажемъ.
Извините мое описаніе: любовь ма-
шерняя понудила такъ нарядить свою
дочь; сердце матернее уже шрепешало
важнаго воззрѣнія на нее опѣ ея дяди,
въ помѣ чаяніи, что она достигнетъ
своего счастія.

Кто бы могъ подумашь, дабы
паковѣ блистающей нарядѣ предзна-
меновалъ злосчастіе моей жазни! Ни
одинъ шираиъ не могъ бы сдѣлать
злодѣянія и проситерши безъ шрепеша
свою руку, шоржесшвуя шѣмъ, что
вѣчно принудилъ человѣка оплакивать
свое несчасіе.

Въ назначенный часъ прислана за
нами кареша Королевскимъ именемъ съ
шѣмъ, чтобъ я прѣѣхала, но не брала
бы съ собою ни единаго человѣка изъ
своихъ людей. Ёхали мы долго въ раз-
мышленіи, что скоро достигнемъ сви-
данія нашего; но мы ничего не ви-
димъ. Наконецъ дочь моя примѣшила,
что

что мы удалились споль далеко отъ Ришемонда, чего и не думали. Поглядѣла я въ карешнее окно, а какъ было очень темно, и не видно никакого предмета, пошому я не видала никого кромѣ одного человѣка изъ провожапыхъ. Вскричала я во весь голосъ; одинъ изъ нихъ подшелъ и отвѣчалъ вѣжливо на мой вопросъ, что Король шеперь въ Лондонъ, куда мы и ѣдемъ по его повелѣнiю. Увѣдомленiе шаково нѣсколько насъ укропило, и мы умолчали, обрапя нашъ разговоръ на будущiй случай. Увидѣли мы одну деревню совсѣмъ незнакомую. Тѣмъ удивленiе мое удвоилось, что дочь моя пала ко мнѣ на руки; я не могла понять, чтообъ шакое значило. Видишь она чрезъ свѣшлость факлы привѣщеннаго у карешнаго окна, что мы окружены солдашами; пошомъ узнали, что везутъ насъ деревяннымъ мостомъ. Вдругъ карета наша остановилась; вышедъ мы увидѣли пространный дворъ, гдѣ поставлены часовые; но не было ни слугъ, ни свѣчь. Сiе доказывало, что

что ишь ни Короля, ни его любимца въ семь жилищъ. Проходъ шенный, коимъ мы проходишь должны, казался, что ведушь насъ въ шюрму, а не въ полашы; открыла я глаза и почувствовала всего дѣла важность.

Одинъ первенствующій Офицеръ подалъ мнѣ пакетъ бумагъ, который я примала аки смертный приговоръ; долго его я распечашать не смѣла, и стояла онѣмъвши. Дочь моя о моемъ смущеніи еще болѣе возпревожилась. „О! говори, моя дражайшая мать, вскричала она, не вдавайся въ такое опчаяніе, кое я вижу на лицѣ швомъ. Не умножай, Государыня, еще горести на сей случай! облегчили мы слезы; она просила, дабы ей позволено было распечашать пакетъ. Содрагалась, видя, что въ немъ писано, и опдала его мнѣ. Сіи бумаги богомерзкой Бурленгъ выхватилъ изъ рукъ сестры моей насильно тогда, когда онъ ее держалъ заключенну въ Сент-Висантъ. Чудовище звѣрообразное, вскричала я: шивъ не доволенъ, что держалъ ко-

людицею дочь швоей машери , но ты за ушѣху считаешь обезчестить ея память ! не удовлетворяль ты себѣ погубя сестру мою ! не насыщено швое сердце, злокозненный ширань ! уничтожилъ ты явно свидѣтельство , кое моглобъ посрамить ложные слухи. Ты конечно изодралъ въ куски начертаніе швоей машери , а шѣмъ наказалъ шу , ошѣ кошорой швое бытіе. Разбойникъ подлый ! презрѣиъ ты ошѣ всего народа ; веселился ты ушѣснятъ двухъ женщинѣ , кои шого только домогались , чшобъ тебя лкбиль и чшишь ! О ! прости , мать моя , прости швою дочь столь слабу и легкомысленну. Заблужденіе есть шому причиною , кое произвела моя глупая любовь , о любезная дочь ! прости мнѣ.

Мать моя , почтеннѣйшая мать ! ошвѣчала мнѣ дочь , залившись слезами : успокойся государыня. Видишь , лишилась ли я своей крѣпости , обще шердя съ шобой злополучіе. Не именуи заблужденіемъ шо , въ чемъ ты находила благо для швоей дочери. Пусть
вс-

веселятся они тѣмъ, что отбемлютъ жизнь вдовы и сироты. Возвышающійся его тронъ мы еще узримъ, какъ низпадетъ съ высоты его. Пусть онъ и содержишь насъ въ сей мрачной шемницѣ, но мы ощущаемъ въ сердцахъ нашихъ, что онъ не достоинъ именоваться нашимъ сродникомъ. Титулъ, которъй онъ носишь, ему вмѣняется въ порокъ. И такъ достоинъ ли онъ нашего сожалѣнїя? Наше благополучїе не зависишь отъ него. Его опчужденїе не отбемлетъ нашей надежды. Не отъ тебя ли я слышала, что великодушїе побѣждаетъ все? Препобѣдимъ мы, мапушка, наше несчастїе и примиримся съ рокомъ нашимъ. Не плачь, о моя дражайшая мать! говоришь она съ слезящеюся улюбкою: я шюрму ни за что принимаю, когда съ тобой; горячность швоя ко мнѣ есть блаженство.

О добродѣшель! колико гласъ швой сладостенъ и утѣшителенъ! Когда я увидѣла младую розу, прошивающуюся усилюю погоды, то я засны-

дилась, наклоня свою голову. Крѣпость ея и нравоученіе возбудили во мнѣ удивленіе и возвысили духъ мой до чистѣйшей храбрости.

Я начала ее раздѣвать, снимая съ нее плащѣ и всѣ богашыя уборы! Увы! думала я, что сіи драгоценности были для насъ нужны, а можеть бышь заслѣпляли глаза нашихъ спражей. Но она вошла обвернувшись епанчею, березась простуды, по шому никакъ ничего и не видалъ.

Какъ начала она снимать съ себя плащѣ, тогда шотъ же человекъ, который подалъ мнѣ Королевское письмо, вшолъ въ нашу горницу. Онъ былъ молодъ и хорошъ. Подшелъ ко мнѣ съ учтивостію, которая предъвляла его благоусердность; и хопя уборъ дочери моей былъ въ безпорядкѣ, однако привлекало его вниманіе. Тако обольсшаясь нашей благосклонностію, съ каковою мы съ нимъ говорили, насъ увѣрял, что пріятно ему будетъ видѣшь насъ тогда, когда онъ намъ доставитъ нѣкоторое увеселеніе, кое не
бу.

будешъ прошивно воли Королевской, и что хочешъ съ нашего позволенія намъ показашъ новое жилище. Вынулъ ключъ, коимъ опперъ двойныя двери большой комнаты, и повелъ насъ въ другіе покои, копорые намъ казались чисты и покойны; говорилъ еще: когда мы захочемъ другіе покои, тогда мы должны пронуть пружину, копорую онъ намъ указалъ, то онъ пошчасъ войдетъ и разтворишъ всюду двери. Цѣль сей предосторожности намъ была понятна; онъ запрешилъ служилеямъ, чтобъ къ намъ не входили; а входили бы тогда для какой либо надобности, когда мы бываемъ въ другомъ покоѣ. Чистота сихъ покоевъ и широкость нашего приспава доказывали намъ, что имѣешъ нѣкакіе превороты въ нашемъ несчастіи. Мы не сомнѣвались уже, чтобъ онъ не имѣлъ какихъ либо осторожностей въ томъ, дабы мы были не исходны. Дюплотъ (такъ его звали) намъ пришелъ сказать, что ужинъ готовъ. Оный споль казался намъ пышенъ, но мы ничего не ѣли;

домогались, чшобъ сколько нибудь извѣдать онѣ нашего пристава прежде его смѣны; но онѣ оберегался всѣхъ предосторожностей. Спросила я его о званіи сего замка и его чиншотѣ. Онѣ отвѣчалъ, что запрещено ему и о томѣ сказывать. Но я думала конечно, что онѣ принадлежалъ Сомерсету, примѣшила изъ его взору, что не ошибаюсь въ томѣ; но какъ изъяснишь по его хитрости, когда онѣ меня Королю представлялъ? и какое бы ему сдѣлала пресшупленіе, дабы насъ живыхъ погребсти? Дочь моя и я по меньшей мѣрѣ догадывались, что онѣ ненавидитъ насъ за привязанность къ Принцу Гальскому.

Примѣшила я, что изъ галлерей, сообщающейя съ нашимъ покоемъ, есть двойныя двери въ садъ, гдѣ и поставленъ часовой; но по тому вся наша надежда исчезла. Дюпломъ насъ покинулъ; съ шѣмъ мы и легли въ постелю, не имѣвъ покою ни ша, ни другая.

Поупру я вспавши спаралась примѣчать окошки, но они всѣ были укрѣплены желѣзными рѣшетками; почему совершенно могла назваць жилище свое пюрьюю. Покои наши съ одной стороны спарымъ четверугольнымъ спроеіемъ подобны казармамъ. Нуженъ намъ сталъ Дюпломъ, тронули пружину; онъ шопчасъ вошолъ, и мы пошли въ другіе покои, и гдѣ уже готовъ завтракъ былъ, и все намъ пошребное; а Дюпломъ намъ предлагалъ, дабы мы укрѣпили свой духъ, находясь въ сей пустынь. Я не намѣрилась слушаться безъ доказательства, почему онъ такъ нами повелѣваетъ. Онъ мнѣ показалъ указъ Королевскій, коимъ ему повелѣно содержать насъ строго, и чтебъ мы не могли ни писать, ни опъ кого писемъ получать, ниже имѣть съ кѣмъ сообщеніе. Когда онъ говорилъ, я присматривала его видъ, и усмошрѣла, что чистосердечіе изображено на чертахъ лица его.

Въ одинъ день упрудилась я отъ единообразнаго своего обитанія. Сила моя исчезла купно съ надеждою. Увы! душа моя не имѣла такого спремленія какъ прежде. Источникъ молодости, огонь пламенѣющъ перьвыхъ моихъ лѣтъ угасъ. Словомъ, прелестъ міра заступила мѣсто, и въ глазахъ моихъ ничто! вольность рушилась; уже опчаявалась я счастья. Не запрещено намъ было читать книги; но я только листы перебирала. Все воображеніе мое успремляла объ опчаянности, опвергала я высокія философскія понятія, слушала свистъ спражей у нашихъ дверей.

Сомнѣваюсь, имѣлала дочь моя болѣе меня разсудка, или она не знала какъ меня вывести изъ опчаянія? Но имѣла непремѣнную ко мнѣ горячность. И по тому хитростью своей принудила что нибудь дѣлать тогда, какъ она читаетъ; или читать, когда она работаетъ. И казалось, будто не видишь, что я унынемъ терзаюсь каждую минушу. Я благодарила Бога, что далъ Онъ мнѣ ее во утѣшеніе. Всякое

упро пожѣ и вечерѣ возсылала къ Небу свое благодареніе, что она со мною.

Два мѣсяца прошли въ такомъ бурномъ и ничего значущемъ положеніи. Дюплошѣ какъ былъ предоспороженъ и вѣжливы, то и не подалъ причины, дабы могли жаловаться на него, но не упущалъ же и своей должности; а какъ онъ хотѣлъ быть на стражѣ прошиву покушенія, то и предвидѣла я, что совершенно онъ не всегда одинъ будетъ съ нами.

Мы не могли никакъ имѣть надежды на караульныхъ; да ктомуужѣ покусишься склонить ихъ дарами. И мнѣ въ семъ случаѣ должно быть весьма осторожной. И такъ мысль моя во всемъ колебалась.

Хотя весна еще не совсѣмъ открылась, но воздухъ былъ пріятенъ, и прекрасное время. Крошоспѣ, кою намъ являлъ Дюплошѣ, не лишала меня совершенной надежды испросить позволенія прогуливаться въ саду окруженномъ высокими стѣнами: я примѣчала взоры нашихъ караульныхъ, и ко-

гда нашла изъ нихъ человѣколюбиваго, и обнадежила бы его щедро подарить, естли онъ намъ услужитъ. Слабость ногъ моихъ не попускала меня свободно ходить и ушѣшаться прогулкою. По прошествіи нѣсколькихъ дней, ошважилась поговорить съ Офицеромъ, чтобъ онъ позволилъ намъ прогуливаться по саду. Онъ согласился только съ шѣмъ, чтобъ мы гуляли порознь, и не болѣе бы какъ одинъ часъ, да и онъ бы всегда ходилъ съ нами.

Таковое условіе подало мнѣ надежду; я спаралась, коль можно, поспѣшно достигать своего желанія. Дюпломъ всегда ходилъ со мною, имѣя при себѣ двухъ человѣкъ. Осматривала я часовыхъ, кои приставлены были ко дверямъ галлерей. Меньшой садъ казался мнѣ спараго вкусу и въ упадкѣ, хотя въ свое время въ великой былъ славъ; нынѣ сдѣлался какъ нѣкая шюрма. Стѣны, коими обнесенъ былъ, спали низкія, а мѣстами и обвалились, отъ чего и сдѣлались проломы. Отъ одной стороны Терраса видѣнъ былъ верхъ башни,

кою я примала за замокъ Виндзора; но не смѣла я о томъ говорить, ниже спрашивать, дабы не узнали моего намѣренія. Дочь моя хаживала гулять въ свою очередь; и такимъ образомъ съ пріятностію препровождали время.

Въ одинъ день примѣшила я съ глазъ одного часоваго, что онъ имѣетъ нѣкакую жалость; я просперла къ нему руку, (въ которой носила всегда большой брилліантъ). Солдатъ, какъ мнѣ хопѣлось, увидѣлъ камень. Движеніе его спремешельное доказывало мнѣ, что онъ понялъ мою мысль.

Сіе малое предназначіе подавало мнѣ надежду и ободреніе; а только и препятствія было, чтобъ отпереть означенную дверь, или починѣ назвашь калишку; уже минуло нѣсколько дней, какъ я не видала того часоваго, и надѣюсь увидѣть его въ будущую недѣлю въ четвертокъ; ибо въ тотъ день будетъ его очередь. На сей случай воображалось мнѣ тысячи происковъ, но не знала, что дѣлать, не имѣвъ чернилъ и пера; наконецъ вздумала вырѣ-

рѣзать листѣ изъ середины книги, который былъ напечатанной, а къ концу бѣлой. Напечатанное отрѣзала, чтобѣ мнѣ на бѣломѣ вѣлочкѣ написашь цидулку; попомѣ сложивѣ склѣили его шѣспомѣ, и вложила вѣ его немалой цѣны алмазѣ. Но дабы увѣришь его, что мы точно содержимѣ наше слово, я зажала вѣ руку все при его видѣ, дабы, когда допуститѣ случай, броситѣ къ нему; но къ несчастію Дюпломѣ паче прежняго былѣ остороженѣ. Солдатѣ поняль мое намѣреніе, прилѣжно потлядывалѣ на мою руку, желая не терпѣливо знать, что шакое содержала; но я будучи заняша шаковымѣ проискомѣ, поражена была жестокимѣ ударомѣ, каковаго со мною вѣ вѣкѣ не бывало.

Всякой разѣ, когда дочь моя занималась гуляньемѣ, считала я каждую минушу ея возврашу, не полагала вѣ щомѣ того, что она услаждалась воздухомѣ для своего здоровья. Вѣ одинѣ день примѣшила я, что прогулка ея должитѣся паче обыкновеннаго. Думала

я,

я, что страхъ мой пусшой; но уже прошло болѣе двухъ часовъ. Но я не смѣла спросить, почему она не возвращается, дабы не обличить шѣмъ караульныхъ въ нерадѣніи; еще два часа прошло, а любезная Марія не возвращается. . . . Ахъ! прости моя государыня мнѣ, описывавшей тебѣ такое приключеніе: слабость меня къ шому нудитъ; ибо я въ шомъ часѣ чувствовала себя яко умирающую.

Хотя удары, усугубленные злосчастіемъ, похищали у меня сокровища драгоцѣннѣйшія, однако осмалось еще нѣчто, къ чему могла прилѣпиться душа моя. Осмался у меня единый шомъ драгоцѣнный камень; но увидѣла и его, падша въ пронасть поглащающую всѣ драгоцѣнности. . . . [Ударъ сей поразилъ мое сердце; не въ состояніи я была ничего различать. Духъ мой занимался единою шомною кончиною. Казалось, что волосы на головѣ моей вздымались, колѣна мои шрепешали; холодный шомъ меня обливаль. Вшелъ Дюплешъ; а я валяюсь на полу про-
спер-

сперта. Воззрѣла на него столь уразительнымъ взоромъ, что и самое злѣйшее чудовище пришло бы въ жалость. Отвернувъ лице свое, плакалъ онъ, что принужденъ выполнять Королевскій указъ. Яросль придала мнѣ силы; испихнула указъ изъ его рукъ, и не чинавши разорвала на мѣлкія части. Кликнула Марію съ отчаяннымъ воплемъ: ничто не могло облегчить моего мученія. Жестоко укоряла Дюлоша, что онъ похитилъ изъ нѣдръ матери сладчайшую ея опору, и предалъ въ руки убійцамъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ такой подлости ни малаго участія не имѣетъ, а что имъ дѣлается, по тѣ повелѣнію начальства; припомъ говорилъ онъ, что дочь моя никакой опасности не имѣетъ, а только находится она въ особыхъ покояхъ. Но я все отвергала его увѣренія. Марія, любезная моя Марія! едины только слова повторяла я съ ужаснымъ воплемъ.

Великій Боже! какая ужасная пустыня! пища, свѣтъ, воздухъ, самая моя жизнь сдѣлалась мнѣ несносна; простер-

шись по землѣ лила я слезы. Лишилась я на вѣки, кричала шой, кошорая мнѣ была единая ушѣха! . . . Она одна подавала мнѣ силу въ моихъ печаляхъ. Чудовище ужасное изпоргло ее изъ моихъ рукъ, и кто вѣдаетъ съ какимъ намѣреніемъ?

Какій пріятный голосъ слышился мнѣ? Это моей дочери. . . . Сіе попрясеніе она оставила во ушахъ моихъ: ибо болѣе его я не услышу. . . . Какое небесное образование могла бы я видѣть сквозь моихъ слезъ! но все похищено съ нею; поднимала руку пысячекратно, дабы себя низринуть въ какую либо пропасть. . . . Но несчастливая Розъ Сесиль ее удержала . . . Это швой гласъ, Розъ Сесиль, слышу я въ воздухѣ? . . .

Когда Дюпломъ вшолъ, тогда уже безъ всякой оспорожности поступила съ нимъ; поднесла ему деньги явно. Весьма вѣренъ онъ своему господину тнусному; не принялъ ничего, но только сказалъ, что дочь моя въ томъ же замкѣ, и не имѣешь никакой опасно-

спи,

спи, содержишься во всякомъ удовольствіи. Могаешь ли я увѣришься на словахъ его? да ешьлибъ и сіе правда была, шо превозило меня не мало. Вошше его просила, дабы мнѣ увидѣшь ее хотя одинъ разъ; запретилъ онъ мнѣ и гулянье. Вопросила я, чего ради онъ такъ спрото обходится? Но онъ на вопросъ мой ничего не отвѣчалъ. Симъ подвергъ меня шакому спраху и шолікому ужасу, что дѣйствительнотому сдѣлашь описаніе не въ силахъ.

Мысль мою обратила я паки о своемъ побѣгѣ, и не забыла четверга, въ который благосклонный солдатъ на смѣну придетъ. Чаяла, что услышитъ мое шенаніе и вошь, стоя у дверей. Билешъ мною пригошвленъ былъ; я привязала его на китовой усъ. Думала, что никого съ нимъ нѣтъ, постучала въ дверь; почувствовала, что вышпщилъ кость изъ моей руки, сильно порадовалась я. Весь день ждала его отвѣта, но вшуне; воображала; что онъ все перескажешъ Дюплоту, но онъ сего не сдѣлалъ. По прошествіи нѣ-

малого труда сократишь письмо, чтобъ онѣ могъ понять его силу. Домыслилась я сдѣлать такъ: „Великодушный другъ! согласи на даръ того, кто на стражѣ у дверей дочери моей. Въ самой послѣдней день, въ который она мнѣ возвращена будетъ, обогащу васъ обѣихъ. Измѣрь скважину замка, означь на немъ форму ключа, потому сдѣлай многое, чтобъ который къ тому замку пригоденъ былъ, конечно подобрать можно; а между тѣмъ промысли два плащя подобныя вашему мундиру, дабы свободнѣе намъ пройти колишкою. И хотя для того нѣсколько денегъ надо; но не опасайся ихъ прапнуть. Я сдѣлаю васъ счастливыми въ сей самой часъ, какъ мы выйдемъ свободно; препроводи къ дочери, а потомъ и въ ворота замка. „ Передавъ такову цыдулку, нетерпѣливо я ждала дня и часа рѣшительнаго, и всегда поникнувши сидѣла по той причинѣ, дабы Дюплонъ не примѣшилъ во мнѣ какого движенія и не возбуждался бы какимъ либо подозрѣнiемъ?

Что мнѣ пришло дѣлать? Пусть мы бѣжимъ съ дочерью изъ замка; это пакой вопросъ, на которой я рѣшишься не могла: попрошиву льспилась, хопя не скоро, но упредимъ нашего гонителя, и дойдемъ до Лондона. Колебалась я мыслею, что не безчестны ли солдапы, и не покусились бы на нашу жизнь?

Чрезъ недѣлю получила я таковой билетъ. „Будьте готовы, когда все успокоится; товарищъ и я пойдемъ препроводить васъ до безопаснаго мѣста. „

Взыграло мое сердце отъ сей вѣсти; томность моя и слабость исчезли; едина машерная любовь къ дочери моей привязала мнѣ крыле.

Какъ назначенный часъ насталъ, пала я на колѣни, и просила Небесной помощи; сіе не щедно было. Дала я солдатамъ по полной горсти денегъ, чѣмъ они весьма довольны были; а при томъ просили меня, чтобы я шла весьма тихо. Когда мы подошли къ покоямъ дочернимъ, надѣли
на

на меня изгошовленное плашье , копо-
раго я ошъ нихъ шребовала.

Можешъ вѣришь шренепанію сер-
дца моего ша машь , кошорая имѣетъ
подобную моей горячность. Дѣшла я
до дочерней комнашы, потрясши дверь
отворила ее шихонько , дабы не испу-
жать дочь . Но какъ сему удивилась ,
видя ея покой веселъ и освѣщенъ !
подумала сперва , что солдашы оши-
блись. Пошомъ увидѣла дочь одѣшу
нарядно, лежащу вѣ своей постелѣ и на-
залось, спящу крѣико; подлѣ нее стоялѣ
столикъ, для письма чернилица, перья
и бумага. Сіе пронзило мое сердце и
привело вѣ недоумѣніе ; конечно кто
нибудъ прельшилѣ мою дочь и по-
мѣшилѣ вѣ столь огромное зданіе ?
Сія мысль столь ушрашила меня, что
я принуждена опереться головою о
колонну стоящую у двери ; но я
должна была пресилить свою болѣз-
нующую душу. Она доколѣ спитѣ , я
разсмашривала , и едва узнала ея чер-
шты ; и чакѣ нѣсколько минутѣ пра-
шила не будя ея. Подшупила еще

поближе къ столу, гдѣ увидѣла два
 письма опърытыхъ; схватила оба и
 шпорила прочесть. Почеркъ вдругъ
 означилъ, что оно содержиць: „Сколь-
 „ко дней, сколько мнѣ ждашь, о пре-
 „краснѣйшая изъ своего полу! я бу-
 „ду награжденъ твоимъ обѣщаньемъ; не
 „огорчай меня, оприцаясь невозможно-
 „енію; сердце твоей матери не умо-
 „лимо для меня. Не осмѣлюсь ей се-
 „бя вѣришь, и себя о томъ же про-
 „шу, доколѣ не свершится разводъ
 „нашего проклятаго супружества. Весь-
 „ма я огорчаюсь, что столь далеко
 „отлученъ отъ тебя; ты называешь
 „домъ покойною шюрмою, потому
 „что онъ спаръ. Вся вселенная шюр-
 „мою тому, кто не имѣетъ уча-
 „стія бытъ въ шѣхъ мѣстахъ, гдѣ
 „ты обитаешь. Завтра упрямъ я
 „думаю свободишься отъ двора и
 „бытъ у тебя. Успокойся моя лю-
 „безная, и удостой принятъ безъ сму-
 „щенія вашего вѣрнаго Коммерсепа. „

Вотъ цѣль была его, когда онъ
 носѣщаль меня въ Ричемондѣ! Сія

шем-

немница была Коммерсцова. И . . .
дочь меня обманывала; попомъ прочла
я ея оцвѣщѣ:

„ На коликое время въ сію пу-
„ стыню и на спраданіе сіе любовь
„ моя меня осудила! Вопще ты хо-
„ чешь занять празднаго сердца мое-
„ го мѣста, кои заняты справедли-
„ вымъ благоговѣніемъ и всегдашнею
„ любовію моею матери; ты говоришь
„ мнѣ завтра, и всегда завтра. Увы!
„ сей день никогда не наступитъ; ты
„ именуешь меня задумчивою, не зная
„ того, до какой степени дошла моя
„ болѣзнь. О! хотя бы могла одну ми-
„ нуту имѣть для успокоенія моей
„ очадѣвшей головы въ нѣдрахъ моей
„ матери! Катерина опъ меня пре-
„ бовала еще оперочки. . . . Я не
„ знаю. . . . опъ той поры я сама не
„ въ себѣ. Можешь быть я сдѣлала
„ пресшупленіе; тысяча мечтаній о-
„ бымали мое сердце; слышу всегда
„ звонъ колокола. Думаю, что насту-
„ паетъ смертный часъ; спашься мо-
„ жешь, что ты мою слабость пре-
„ . . . вра-

„вратишь въ посмѣянїе, но я того
„преодолѣшь не въ силахъ. Освободи
„мою мать, едино сіе прошу, и хра-
„нись ее навсегда. „

Въ семъ мѣстѣ прервала она свое письмо. Потомъ несчастливая дочь моя казалась умирающею: лице ея до того было цвѣтущее, нынѣ сдѣлалось блѣдно и безобразно, руки холодны, словомъ все являло, что смерть на ея видѣ напечатлѣна; она едва открыла свои померкшія очи. О! что моя душа не изшла во время моего рыданія безъ ужаснаго сего убѣжденія? за шѣмъ вскричала и стала аки безумная; схватила я ее своими руками, омывала ее слезами. Она не могла промолвить ни единого слова, жала только задыхаясь мою руку. Сіе продолжалось долго; потомъ начала продолжать свою повѣсть прерывисто: Не вини меня, любезнѣйшая мать, хотя виды все могушь противъ тебя. Я прошу Небо, чшобъ нѣсколько бышь мнѣ въ живыхъ, дабы могла себя оправдать предъ то-
бок;

бою; благодарю его, что допустило меня при семъ смершномъ часѣ быть объяшой швоими руками; я не сдѣлала инаго преступленія, кромѣ что наблюдала то, прошивъ чего ты вооружалась. Удоспойте, Государыня, выслушать шерпѣливо.

Представъ себѣ, Государыня, что я, будучи въ семъ положеніи, совсѣмъ забыла о солдатахъ меня ждавшихъ:

Въ перьвый разъ, продолжаетъ она, какъ мы увидѣли Генриха, былъ онъ съ Соммерсетомъ. Шедъ мы въ свой домъ, велъ тебя за руку Принцъ, а меня Семмерсетъ. Волхвованіемъ ли чародѣйства заразилъ онъ мою душу? Я не знала его, но вдругъ полюбила; чувствительнѣе мнѣ было, когда ты съ нимъ хладнокровно обходилась; презрѣніе швое къ нему меня несносно шревожило. Благоразумно ты дѣлала, что при посѣщеніи Генриковомъ меня отсылала. Увы! въ тѣ самыя часы Соммерсетъ ко мнѣ хаживалъ и любовь свою открывалъ.

Чув-

Чувствуя я любопытство людей придворныхъ, въ томъ Графа не ви-нила; тогда внѣ себя бывала, досадуя на ваше благоразуміе, что ты яко жертву вручаешь мое сердце Принцу. Образъ Коммерсеповъ всегда представлялся моимъ глазамъ; часто отъ него получала письма, а чрезъ кого не знаю. Онъ вѣдалъ все наше намѣреніе, но не отважился о томъ спросить; пріятна мнѣ была такова его скромность. Въ одинъ вечеръ вышла я въ садовую спавку, ожидая восхода мѣсяца; весьма устрашилась, увидя въ темнотѣ идущаго ко мнѣ человѣка: это былъ Коммерсетъ. Король былъ тогда на гуляніе и Генрихъ съ нимъ; онъ мнѣ говорилъ, что пришелъ изъяснить свою горестъ: началъ мнѣ изъяснить свою спрасъ, стоя на колѣнахъ до толѣ, какъ я ему и сама принуждена открыться. Разговоръ вдругъ нашъ пресѣкъся; увидѣли мы Генриха идущаго въ спавку. Коммерсетъ, какъ увидѣлъ, тотчасъ поворотился. Я подбѣжала къ Принцу, сѣдше-

нему на шуль близъ Тераса; просила его ипши со мною въ покой Увидѣла я по свѣтлости мѣсяца, что онъ весьма печаленъ; проси, государыня, мнѣ говоритъ онъ: я увѣряю тебя въ ненарушимой шайнѣ, и пошелъ съ шѣяб.

На другой день я была въ опсудствѣи, когда Принцъ посѣщамъ шебя; спрашили меня послѣдїя его слова, которыя онъ произнесъ въ смятенїи. Увы! я не достойна столько благороднаго любовника. Небо воззвало его непорочную душу; колїкїя несчастїя сносила я. О! чшобъ оныя кончилисъ шѣмъ, дабы я послѣдїй мой духъ испустила на швоихъ рукахъ, прежде нежели ими буду шерзаема.

Когда ты получила позволенїе прогуливашься намъ по саду, нашла я шамъ Сомерсета униженна, блѣдна и виновнаго себя, что онъ проводилъ шакъ нашу жизнь; пошому что злодѣй, чшавши наши бумаги, осудилъ насъ на смерть. Я видѣла Сомерсета ежедневно. Онъ уже былъ готовъ развестисъ
съ

съ своею безчеловѣчною Ладією *** но мѣшала ему ваша застарѣлая ненависть. День сочешанія моего съ нимъ долженствовалъ бытъ тогда, когда онъ доставилъ свободу на свое препяшствіе. . . . Увы! могуль я выговорить? я чаяла всегда, что моя пища. . . . лишайся надежды, кою ты основала; забудь, что я твоя дочь: я огорчила твои послѣдніе дни; но естъли моя погрѣшность просшительна, просши свои руки и дай послѣднее благословеніе.

Чершы лица ея посинѣли, всякую минушу тысяча омерзѣній лежали на моемъ языкѣ прошивъ лукавства проклятаго безчестія. Крикъ мой и воздыханіе задушали меня. . . . Схватила я ее своими руками, подавая ей послѣднее благословеніе. . . . Ахъ, Государыня! позволь мнѣ кончить скорѣе сіе ужасное зрѣлище.

Солдаты, уставши отъ жданія, вошли опромѣшью въ покой; видѣли дочь мою умирающую; нудили меня, чпобѣ я шла съ ними; но я того не внимала. . . . Дочь моя въ шу пору взглянула.

Ужа-

Ужаснулась она, видя солдатъ; вскричала не обыкновенно: солдаты разсердясь повлекали меня силою отъ нее прочь, но впуне; тогда они въ грудь мою уперли штыками, и конечно бы пронзили, естли бы отъ шума служащія при дочери моей женщины не разбудились. Солдаты всѣ разбѣжались; а я пала на полъ, державъ дочь мою на рукахъ моихъ. . . . и она въ самую ту минушу скончалась.

Не могла различить мечшъ, кои во мракѣ, казались, бродяшъ вокругъ моего постели. И такъ не смѣла я открышь завѣсу, чшобъ ихъ узнать. Нѣкошорыя шумныя восклицанія образовали страхъ моего положенія; попомъ я чувшвовала, чшо вся згараю. . . . Иногда нападада на меня шпхосшь и молчаніе; а иногда обымала дрожъ и спѣшеніе духа, чшо проявляло кончшсья момъ несчастіямъ; удрученный мой духъ обращала ко дверямъ своей шемницы въ чаянш, чшо послѣдншй мой духъ шѣмъ скорѣе изыдешъ: но увидѣла, чшо завѣсъ мой

еш-

открытъ, дабы дыхалъ на меня воздухъ. Не могла я узнатьъ двухъ человѣковъ, щупающихъ бѣеніе моего пульса.

Тогда, какъ я находилась между жизнью и смертію, доходилъ до уха моего голосъ, голосъ меня утѣшдающій, крошкѣй, духовный и влагающій въ чувства мои подобіе священнаго изреченія: Всесильный Боже! близъ коего обитаютъ праведныя души свободившіяся узъ земныхъ, мы Тебѣ предаемъ душу рабы Твоя сестры нашей, и припадающе просимъ, прими ее во святое Твое селеніе, яко рукъ Твоихъ созданіе; Ты бо еси благъ и милосердъ. Едва я могла поднять свои руки на небо, тѣмъ кончилась молитва. Думала я, внимая сей гласъ, конечно это Ангелъ былъ присланъ изъять мою душу и предстать праведному Судіи. Открыла я мало глаза, и увидѣла почтеннаго священника спощаго на колѣняхъ, освящающагося Божествомъ, коему онъ служитъ. Двѣ женщины помогали моему утѣшителю вспашъ и подвели къ моей постели,

потомъ вышли. Онъ меня заклиналъ съ видомъ благоеклоннымъ, дабы я, пріутошенивъ свою душу, представила предъ Бога. Я ему махнула рукою, что чувствую. Добрый спарецъ обратился ко мнѣ паки, и возблагодарилъ Бога, что даровалъ мнѣ память. Наставлялъ меня, чтобъ я не спрашилась несчастій. О ты! ему говорила я, ушѣшитель моего несчастія, объяви мнѣ, гдѣ я и кому обязана своимъ посѣщеніемъ? Не много подумавъ, онъ взвелъ глаза свои къ небу, прызывая себѣ Бога на помощь, ошѣчалъ мнѣ крошко: зовущъ меня Деверъ, я домовый священникъ Коммерсева. Отъ произношенія сего туснаго имени я сомкнула глаза, давъ ему знакъ рукою, чтобъ онъ меня оставилъ. Жена несмысленная и несчастливая, сказалъ онъ плачевнымъ голосомъ: можешь ли понесши на другой свѣтъ съ собою гордость? ты напившись источника непорочнаго и чистаго, должна предшати къ своему Создателю; но ты нѣсть чиста предъ Богомъ, уже тебѣ конецъ твоего спраданія,

чего ради еще злобствуешь? Законъ повелѣваетъ оставлять всякое пресупленіе ближняго, не тяготя себя шѣмъ; приклони слухъ на путь истинны; имѣй шерпѣніе, тогда излѣишься цѣлишельный бальсамъ на твои раны; властвуй надъ спраспями, понеже центръ твой есть вѣчностъ. Я чаяла, что самый Божественный гласъ вѣщаетъ устами сего священника. Шумъ чувствъ моихъ утолщился. Не говори къ сей неблагодарной, я слабо ошвѣчала: я примиряюсь съ Богомъ и съ охотою умираю. Однакожъ не можно сказать, чтобъ не имѣла я досады на шѣхъ, кои меня низринули въ вѣчностъ. Сіе напряженіе сверхъ моя силы: сжаляся святой Отецъ, наставъ меня на путь истинный, не умножай болѣе моего положенія, которое не принесетъ мнѣ пользы. Мое намѣреніе, государыня, ошвѣчалъ онъ, увы! не въ томъ состоитъ, дабы разсправлять твои раны, но чтобъ изцѣлить. Долгъ мой есть оправдать невинностъ, и шѣмъ облегчить бремя несчастливое . . . . Укрѣпись выслушавъ письмо, которое мнѣ препоручено сообщать

щишь шебѣ , когда найду къ шому случаю. Просила я его , чшобѣ далѣ время собраться сѣ силою ; пошомѣ дала ему знакѣ , чшобѣ онѣ его чшпалѣ.

„ Какими словами обѣясню , о несчастливѣйшая изѣ всѣхѣ женѣ ! какое несчастіе и шого , кошорый прошивѣ своей воли нарушилѣ вашѣ и свой покой ! Можешѣ ли онѣ быть прощенѣ , опятощенѣ бывѣ поношеніемѣ и опчаяніемѣ ?

Вѣ дополненіе горести свѣдалѣ я , чшо смершный ударѣ похишилѣ мою дражайшую надежду , пронзающую ваше сердце. Сама умершая обѣявила , чшо швое проклятіе обращается на меня , и шы при концѣ жизни еще меня ненавидишь. Ежели дозволяешѣ памяшь прочесшь или выслушашъ уничиженную прозьбу , приносимую ошѣ разслабленнаго , шо внемли моему прошенію и сжалъся. Прости , государыня , ешшли можешъ . . . Могла ли шы вѣришь , дабы я злоумышленѣ былѣ на жизнь споль же дражайшую мнѣ , какѣ и самой шебѣ.

Жена оставлена , сѣ кошорою угодно было небу меня сочешать вѣ наказаніе мое

за хрѣхи. Я не знаю, почему она свѣдала о намѣреніи моемъ, которое я почишалъ непроницаемымъ. Уже готовила она ядъ чрезъ дѣвокъ, служащихъ при моей возлюбленной. Нѣтъ нужды мнѣ писать, что ее я проклиная, но что буду бѣгать сего чудовища во всю мою жизнь. Сей поступокъ предоспаляю своему разсужденію. За шѣмъ можешь ли ты ошасться неумолима, еще почишая меня виновнымъ?

Послѣднія слова о кончинѣ дражайшей не доказываютъ ли мое чиспосердечіе, что я описалъ шебѣ? О! ты живешь, государыня; избавь меня отъ новаго мученія, аки бы я виновникъ былъ и швоей смерти и возлюбленной моей. Не дай мнѣ мучиться, что я сея содѣшель! „

Увы! въ чему послужилъ шеперь сіе злое свѣденіе, вскричала я? прощаю его я; скажи ему, что я его прощаю!

Натура всегда упоршвуешъ въ такомъ обстояшельствѣ, и легковдаешся въ нащоминаніе слабаго и шомнаго

сво-

своего существованія; но душа изнуренная уже не имѣетъ такого содѣйствія способнаго. И когда что пошерено, то уже не возвращено.

Почтенный старецъ сидѣлъ, не ослабѣвая подлѣ меня, дабы вперить свои благіе совѣты. Но примѣшивъ, что оныя не могутъ дѣйствовать, нудилъ, дабы я взирала на небо, представлялъ мнѣ, что я скоро получу сокровище вѣчное.

Хотя сія проклятая жена, осудившая на вѣчность свою душу, лишила единой моей надежды, но я не хочу ей мстить; предаю ее Божію суду. Узнала я, что служители Генриха произвели свидѣтельство достовѣрное противъ ее, и изблечена не бывъ очищена отъ грѣха.

Добродѣтельный Доверъ оказалъ мнѣ новые опыты своего благочестія и справедливости, отдавъ мнѣ мои алмазныя вещи все вѣрно, которыя онъ хранилъ особливо; я отблагодарила его. Графъ Коммерсеи велѣлъ сказать мнѣ, что я освобождена. Вновь предлагалъ мнѣ опи-

личіе чести и фортуны; я презрѣла сіе и разположилась ѣхать во Францію, умереть тамъ мирно. Я уговаривала Девѣра ѣхать со мною; но онъ не хотѣлъ бытъ столь неблагодаренъ, дабы вдругъ отстанъ отъ своего благодѣтеля, и общалъ прѣѣхавъ вскорѣ, чѣмобъ раздѣлить со мною уединеніе. Я вошла еще разъ въ свѣтлѣ, гдѣ не имѣла ни друзей, ни родни.

По прѣздѣ моемъ во Францію моя лихорадка опять возобновилась столь свирѣпо, что я, чаяла, умру непременно. Могуль я иначе сказать, какъ вшорично Ангелъ съ Небесъ посланъ ко мнѣ на помощь. . . . Англинскій посолъ оспановился въ томъ же шракширѣ, гдѣ я жила. Сей случай продлилъ мои дни. Любезная его дочь, увидя мое состояніе, пронулась челоѣколюбіемъ; подошла къ кровати; призвала она Докшора находящагося при ея ошцѣ; а онъ и помогъ несчастливицѣ. Она сполько была челоѣколюбива, что не поѣхала и съ ошцомъ, возлюбивъ шу, кою она излечила. Безпримѣрная ея добродѣшель при-

мирила меня съ свѣтомъ, которой принуждена была оставить. Любезная Аделаида! желала бы я описать образъ твой, но не могу; онъ впечатлѣнъ на моемъ сердцѣ.

Весьма я радовалась, что могу довести сію Исторію до конца. Мнѣ приходится умирать. Между тѣмъ, увы! къ сожалѣнію моему представляю картину молодой моей благодѣтельницѣ печальную моего въ свѣтѣ приключенія; не говорила я прежде, что несчастіе полезно ко правоученію.

День за день я дожидалась почтеннаго Девера, дабы безъ него не умереть; пусть умру при немъ, чтобы его непорочная душа пріутоновила мою къ вѣчной жизни, и расположила бы нужнѣйшіе остатки, чтобы не были ограблены.

Дражайшая и любезнѣйшая подруга! ты опѣвжаешь въ Англію; можешь быть вспрѣпящая шѣ мѣста, въ которыхъ младосць и мое благополучіе пожерно. Ежели проѣжая оными, чувствительная душа твоя возбудитъ себя

бя вздохнуть о своей подругѣ, по от-
вергни всѣ движенія, и вспомни, что я
болѣе спрadataь не буду. Когда швой
почтенный родитель возвратится во
Францію въ домъ свой, который ны
рождена украшать, по сдѣлай милость,
въ удовольствіе швей подруги уми-
рающей, посѣщи то мѣсто, гдѣ я у-
видѣлась съ тобой; вѣрный Деверъ бу-
детъ тебя тамождать. Прими отъ
него ларчикъ, которой я тебѣ завѣща-
ла, и возволь ему тебя препроводить ко
гробу, гдѣ мой сѣзъ надписи и имени
прахъ положенъ; пролей едину каплю
слезъ производимыхъ непорочностію;
возвысь свой взоръ съ симъ почтен-
нымъ провожатымъ, и ищи въ другомъ
свѣтѣ свою Машильду.

К О Н Е Ц Ъ

Третьяго и послѣдняго Тома.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

32204-0

Кл. 40377

бя въ
вергн
болѣе
почт
Фран
рожда
въ у
раюц
видѣ.
дешѣ
него
ла, и
гробу
прах
слезѣ
возвѣ
нымѣ
свѣш

Тр

Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black

Colour Chart #13

Centimetres

Inches

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 8

оп-
е я
вой
во
ны
шь,
ми-
у-
бу-
опѣ
ща-
ь ко
ени
плю
ю;
ен-
омѣ

на.

х

Ив. 6119

